

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
«ЛОКУС», «ХЬЮГО»,
БРИТАНСКОЙ
АССОЦИАЦИИ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

БРАЗИЛЬЯ

ОДИН ИЗ САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ И ИСКУСНЫХ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ, И УЖ ТОЧНО И НАИБОЛЕЕ ИЗОШРЕННЫЙ С КУЛЬТУРНОЙ И МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ФРЭНК ГЕРБЕРТ, УИЛЬЯМ ГИБСОН, ИЛИ ДАЖЕ ТОМАС ПИНЧОН НАЧАЛА ХХ ВЕКА.

ASIMOV'S SCIENCE FICTION

Йен Макдональд

Бразилья

Серия «Звезды научной фантастики»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18926574
Йен Макдональд. Бразилья: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-087713-3

Аннотация

2032 год. Случайная встреча увлекает Эдсона, молодого человека, пытающегося выбиться из нищеты, в опасный мир квантовых хакеров, таинственных двойников и паранойи. Он узнает секрет, способный изменить всю историю человечества, но куда бежать в стране, где царит тотальная слежка?

2006 год. Марселина, амбициозный телепродюсер, в поисках материала для реалити-шоу наталкивается на свидетельства древнего заговора, и вскоре мир вокруг начинает рушиться, угрожая не только ее рассудку, но и жизни.

1732 год. Иезуит Луис Квинн отправляется в Бразилию, чтобы по заданию Святого престола призвать к ответу священника, преступившего законы церкви. Но задание

оказывается куда сложнее, и в дебрях Амазонки Луис находит то, что ставит под сомнение не только его веру, но и взгляды на устройство Вселенной.

Три героя, три истории, три Бразилии, связанные через пространство и время, в эпическом романе о природе самой реальности, где ничто не случайно, и даже название с секретом.

Содержание

Богоматерь Дорогостоящих Проектов	7
Богоматерь Спандекса	92
Богоматерь Мусора	164
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Йен Макдональд Бразилья

Ian McDonald BRASYL

Печатается с разрешения издательства The Orion Publishing Group Ltd при содействии литературного агентства Synopsis

© Ian McDonald, 2007. All rights reserved.

First published by Gollancz, London.

В оформлении обложки использована иллюстрация *Сергея Забелина*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

© Наталья Власова, перевод, 2015

© Сергей Забелин, иллюстрация, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Бразилия – несерьезная страна.
Шарль де Голль*

Переводчик благодарит Сергея К. и Анну К. за помощь в транскрибировании португальских названий и полезные советы.

Эта книга, наконец-таки, посвящается

Энд

Богоматерь Дорогостоящих Проектов

17–19 мая 2006 года

Марселина наблюдала, как они угоняют машину на Руа¹ Сакопан. Это был «мерседес» С-класса, типичный автомобиль драгдилера, тюнингованный по самое не балуй командой из передачи «Тачку на прокачку. Бразильская версия» – колпаки на колесах, спойлер, синяя подсветка на подрамнике. Сабвуферы размером с чемодан. Команда автомехаников проделала отличную работу. Машина смотрелась куда дороже четырехсот реалов², которые Марселина заплатила за нее на городской штрафстоянке.

Они прошли мимо три раза – трое парней в баскетбольных шортах, майках и бейсболках. Первый раз просто присматривались. Второй – примеривались. Троица притворилась, что заинтересовалась колпаками на колесах, четками и брелоком с эмблемой «Фламенгу»³, свисавшими с зеркала (милый штрих). Что

---

¹ Улица (порт.) (Здесь и далее – *прим. пер.*)

² Денежная единица Бразилии.

³ Бразильский футбольный клуб из Рио-де-Жанейро.

там, проигрыватель на несколько дисков или магнитола с MP3?

Давайте, ребятки, вы же знаете, что хотите эту тачку, думала Марселина на заднем сиденье в машине преследования, припаркованной в двухстах метрах выше по холму. В ней есть все, что вы любите, я постаралась, как вы сможете устоять?

Третий раз – угон. Они выждали десять минут для страховки, десять минут, в течение которых Марселина ерзала перед монитором, боясь, вернутся ли они вообще или в машину кто-то другой заберется первым. Нет, вот они прошествовали по холму – высокие, симпатичные и развязные парни спортивного телосложения. Эта троица была хороша, очень хороша. Марселина даже не увидела, как они дернули за ручку, но трудно с чем-то перепутать удивление на лицах, когда дверь распахнулась. Да, тачка незаперта. И снова: да, ключи в замке. И вот они внутри: дверь закрыта, двигатель заведен, фары включены.

– Поехали! – крикнула Марселина Хоффман своему водителю и прильнула к монитору, когда внедорожник рванул с места.

Господи и Пресвятая Дева, поднажали, мотор взвизгнул, когда они вырывались на Авенида⁴ Эпита-сиу Песоа.

---

⁴ Проспект (порт.).

– Внимание! Всем машинам! – прокричала Марселина в рацию, пока «чероки» вилял в потоке машин. – У нас угон! У нас угон! Машина направляется на север, в сторону туннеля Ребосас⁵. – Она с силой ткнула в плечо водителя, помрежа, который когда-то давно признался ей в любви к авторалли. – Не упускай из вида, но не напугай их. – На экране ничего не отображалось. Марселина стукнула по нему. – Что с этой фиговинной? – Экран наводнили картинки со скрытых камер, которыми был нашпигован «мерседес». – Мне нужен тайм-код в режиме реального времени.

«Не дай им найти камеры», – молилась Марселина Богоматери Дорогостоящих Проектов, своей божественной покровительнице. Три парня: тот, что в черном с золотом, за рулем, еще один в майке «Найк», а третий вообще с голым торсом, и у него между сосков растет кустик жестких, как проволока, волос. Сирены промчались мимо. Марселина оторвалась от монитора и увидела, что полицейская машина пересекает че-

---

⁵ В Бразилии сейчас население разговаривает на бразильском варианте португальского языка, например, в конце слова звук «s» в португальском языке звучит как «ш», но в бразильском варианте – как «с» (кроме варианта кариока, то есть в Рио-де-Жанейро). В главах, относящихся к современности и будущему, транскрипция названий и терминов дана по бразильскому варианту. Там же, где действие происходит в XVIII веке, имена и топонимы транскрибируются по португальскому варианту, поскольку бразильский вариант начал активно формироваться только после 1822 года.

тыре полосы и обгоняет ее.

– Дайте звук.

Жуан-Батиста, звукооператор, покачал головой, как индеец, и этот жест показался еще более карикатурным из-за наушников. Он повозился с портативным микшером, висящим на шее, и неуверенно поднял палец вверх. Марселина все это репетировала – репетировала, репетировала и снова репетировала, – но сейчас не могла вспомнить ни единого слова. Жуан-Батиста взглянул на нее: *«Ну же, это твое шоу»*.

– Вам нравится эта машина? Нравится? – Голос у нее дрожал, как у девочки-промоутера, и звукооператор посмотрел на нее с жалостью. На картинке с камер, спрятанных в машине, парни выглядели так, будто под светодиодной подсветкой автомобиля в стиле «Рыцаря дорог» только что рванула бомба. *«Не оставь меня, Пресвятая Дева, не оставь меня»*. – Она ваша! Это ваш суперприз! Все верно, вы на телешоу!

– Это старый раздолбанный «мерс» с дешевым тюнингом, – пробормотал Соза, водитель. – И они это понимают.

Марселина убрала рацию.

– А ты у нас тут режиссер? Режиссер или нет? Сейчас ты водитель!

Внедорожник резко свернул, из-за чего Марсели-

на чуть не свалилась на заднем сиденье. Взвизгнули тормоза. Господи, вот это ей по душе.

– Они передумали ехать в тоннель. Вместо этого направляются в сторону Ботанического сада.

Марселина взглянула на навигатор. Полицейские машины отмечены оранжевыми флажками, их аккумуляторный строй в районе Зона-Сул⁶ ломался и перестраивался, когда угонщики отказались попасть в расставленную ловушку. *«Вот для чего все это, – сказала себе Марселина. – Вот что делает телепередачу интересной».* Она снова взяла рацию.

– Вы на передаче «Побег». Это новое реалити-шоу Четвертого канала, и вы его герои! Эй, вы станете звездами!

Парни переглянулись. В этой культуре ценится внимание. Легче легкого соблазнить тщеславного кариока⁷. Кариока – лучшие участники реалити-шоу на всей планете.

– Эта тачка ваша, стопроцентно, гарантированно и легально! Нужно только, чтобы в ближайшие полчаса вас не арестовала полиция, которую мы на вас наве-

---

⁶ Рио-де-Жанейро разделен на две части: Зона-Сул и Зона-Норте. В первой проживает средний класс, а вторая – это промышленный район, заселенный простыми работягами.

⁷ Обозначает принадлежность к штату и городу Рио-де-Жанейро – так в Бразилии помимо прочего называют и выходцев из этого города.

ли. Хотите сыграть? – Это может подойти для слога-на: «Побег: хотите сыграть?»

Губы парня в футболке «Найк» шевелились.

– Мне нужен звук! – закричала Марселина.

Жуан-Батиста нажал еще какую-то кнопку.

Байле-фанк⁸ сотряс внедорожник.

– Я говорю: за эту кучу дерьма? – «Найк» перебивал ритм, под который принято трясти ягодицами.

Соза очередной раз резко развернулся, не щадя шин. Оранжевые флажки полицейских машин сбились в стаю, одно за другим отрезая направления к потенциальному побегу. Впервые Марселина поверила, что может снять на этом материале передачу. Она выключила двустороннюю связь.

– Куда мы едем?

– Может, в Росинью⁹ или через лес Тижук¹⁰ на Эстрада¹¹ Дона Касторина.

Внедорожник скользнул через очередной перекресток, от него шарахнулись мойщики машин с ведрами

---

⁸ Музыкальный стиль, пользующийся популярностью в бразильских трущобах, темы песен в стиле байле-фанк – жизнь уличных банд, подвиги местных бандитов и наркодилеров, и некоторые направления даже официально запрещены в Бразилии.

⁹ Одна из фавел (трущоб) Рио-де-Жанейро и крупнейшая фавела страны – ее население составляет около семидесяти тысяч человек.

¹⁰ Национальный парк в Бразилии.

¹¹ Автомагистраль, шоссе. (порт.)

и скребками, а еще жонглеры, чьи мячики каскадом попадали к их ногам.

– Нет, все-таки Росинья.

– Есть что-нибудь годное? – спросила Марселина.

Жуан-Батиста покачал головой. Ей никогда не попадались разговорчивые звукооператоры, даже если это были женщины.

– Эй-эй-эй! Можешь сделать музыку чуть потише.

Звуки «байле» в исполнении диджея Фуракана достигли приемлемого уровня, и Жуан-Батиста поднял палец вверх.

– Как тебя зовут?

– Ага, так я тебе и сказал, когда еду в краденой тачке, а половина полиции Зона-Сул висит у меня на хвосте! Это ловушка.

– Ну надо же как-то к тебе обращаться, – умасливала его Марселина.

– Ладно, Четвертый канал, можешь называть меня Качок¹², а это Америка, – водитель махнул рукой в сторону соседа. – И О'Клону. – Парень с кустиком волос на груди приблизил губы к мини-камере, встроенной в подголовник водительского сиденья, как в классическом клипе на MTV.

---

¹² В оригинале герой называет себя Мальясан («Качалка») по названию популярного бразильского сериала, который шел в России под названием «Новый Геркулес».

– Это будет типа автобуса 174?¹³ – спросил он.

– А ты хочешь закончить как парень в автобусе 174? – пробормотал Соза. – Если они попытаются прорваться в Росинью, то автобус 174 будет на их фоне детским утренником.

– И я стану звездой? – поинтересовался О’Клону, все еще целуя камеру.

– Ты будешь на обложке журнала «Контигу». У нас там свои люди. Можем устроить.

– А можно встретиться с Жизель Бундхен?

– Мы организуем тебе съемку с Жизель Бундхен, всем вам, вместе с машиной. Звезды «Побега» и их тачки.

– А мне нравится Ана Беатриз Баррош! – подал голос Америка.

– Слышите? Жизель Бундхен! – О’Клону просунул голову между сидений и прокричал на ухо Качку.

– Парень, не будет вам никакой Жизель Бундхен и Аны Беатриз Баррош, – сказал Качок. – Это ж телевизионщики, они наобещают золотые горы, лишь бы рейтинги были. Эй, Четвертый канал, а что случится, если нас поймают? Мы ж не просились к вам на шоу.

– Но машину-то вы угнали.

---

¹³ Речь о захвате заложников в автобусе № 174 в Рио-де-Жанейро в 2000 году, в ходе которого один из преступников был задушен полицейскими.

– Вы хотели, чтобы мы угнали эту тачку. Оставили дверь открытой и ключ в замке зажигания.

– Этика – дело хорошее, – сказал Жуан-Батиста, – но на реалити-шоу с ней проблемы.

Сирены звучали со всех сторон, приближались, синхронизировались. Полицейские машины пулей пролетели по обе стороны – порыв ветра, размытый звук и мерцающий свет. Марселина почувствовала, как сердце глухо колотится в груди, это был момент красоты, когда все срослось – все идеально, доведено до автоматизма, божественно. Соза переключился на верхнюю передачу, пролетая мимо закрытой стройки, где росла новая стена фавелы.

– И это не Росинья, – сообщил Соза, миновав цепочку железнодорожных цистерн. – А что там дальше? Может, Вила Каноас¹⁴. Ни хрена себе!

Марселина оторвалась от монитора, над которым она уже планировала монтаж своего шоу. Что-то странное прозвучало в голосе Созы.

– Ты пугаешь меня, парень.

– Они только что развернулись на сто восемьдесят градусов.

– И где они?

– Едут прямо на нас.

– Эй, Четвертый канал, – Качок широко улыбался в

---

¹⁴ Одна из первых фавел в Рио-де-Жанейро.

камеру на солнцезащитном козырьке. Он был очень хорош, с крупными белыми зубами. – Какая-то неувязочка в твоём формате. Понимаешь, мне нет резона рисковать своей свободой ради подержанного говённого «мерса». С другой стороны, ради чего-нибудь с ценником повыше...

«Мерседес» скользил по центральной полосе, теряя по пути элементы тюнинга. Соза ударил по тормозам. Внедорожник остановился почти вплотную к «мерседесу». Качок, Америка и О'Клону уже выскочили, держа пушки параллельно земле боковым хватом, который вошел в моду после фильма «Город Бога»¹⁵.

– Выходим, выходим, выходим, – Марселина и члены съёмочной группы вывалили на дорогу в потоке сигналивших машин.

– Мне нужен жесткий диск. Без него у меня не получится шоу. Оставьте хотя бы его.

Америка уже сидел за рулем.

– Классно, – заявил он.

– Ладно уж, бери, – сказал Качок, протягивая Марселине монитор и терабайтовый диск.

– Знаешь, у тебя волосы типа как у Жизель Бундхен, – крикнул О'Клону с заднего сиденья. – Только более волнистые, да и сама ты помельче.

Мотор взвизгнул, шины задымили. Америка на

---

¹⁵ Бразильский фильм о жизни обитателей трущоб.

ручном тормозе объехал на внедорожнике Марселину и рванул на запад. Через пару секунд промелькнули полицейские машины.

– Вот это, – сказал Жуан-Батиста, – я и называю крутым телешоу.

* * *

Черная Птичка курила в монтажной. Марселина ненавидела это. Она ненавидела почти все в Черной Птичке: ее одежду родом из 50-х, которую та носила неглаженной наперекор трендам и моде (не существует моды без персонального стиля, *querida*¹⁶) и при этом выглядела потрясающе, начиная с настоящих нейлоновых чулок – никаких колготок, от них очень-очень сильная молочница – и заканчивая пиджаком от Коко Шанель. Если бы она могла носить черные очки и головной платок в монтажной, то носила бы. Марселина ненавидела женщину, которая так уверенно и безошибочно жила по своим собственным правилам. Ее бесило, что Черная Птичка сидела исключительно на импортной водке и сигаретах «Голливуд», в жизни не сделала ни одного упражнения, но даже после целой ночи работы в монтажной излучала шарм Грейс

---

¹⁶ «Дорогая» (порт.).

Келли и не поглощала литрами сладкую гуарану¹⁷. Но больше всего бесило то, что Черная Птичка, несмотря на намеренный ретростиль, окончила медиашколу на год раньше Марселины и теперь была ее старшим выпускающим редактором. На пятничных коктейлях в кафе «Барбоза» Марселина регулярно утомляла аналитиков и продюсеров неустанными рассказами обо всех трюках и извращениях, к которым прибегла Черная Птичка, чтобы возглавить отдел развлекательных передач на Четвертом канале, коллеги уже могли цитировать историю Хоффман, как литургию. *«Она не знала, что микрофон все еще включен, и операторы услышали, как она говорит... (хором) Трахни меня так, чтоб я лопнула...»*

– Саундтрек – основной элемент уникального торгового предложения, то есть наш козырь, мы хотим использовать музыку 80-х из GTA¹⁸. Ту песню английской романтической группы, где они поют про Рио, но клип снят на Шри-Ланке.

– А я думал, на Шри-Ланке снимался клип «Сохра-

---

¹⁷ Гуарана (высушенная масса из измельченных семян древовидной лианы, произрастающей в Бразилии) является сырьем для производства энергетических напитков, поскольку обладает большим содержанием кофеина.

¹⁸ Имеется в виду игра «Grand Theft Auto: Vice City Stories», действие которой разворачивается в 1986 году в вымышленном городе Вайс-сити.

ни молитву»¹⁹, – заметил Леандру, пододвигая к Черной Птичке пепельницу, крышкой которой служил перевернутый цветочный горшок.

Он был единственным редактором во всем здании, который не запретил Марселине появляться в своей монтажной, и считался невозмутимым, как далай-лама, даже после ночной смены.

– «Рио» снимали в Рио. Что логично.

– А ты у нас спец по романтической английской музыке начала 80-х? – съязвила Марселина. – Ты в 1984-м хоть на свет появился?

– Я думаю, ты скоро выяснишь, что тот трек «Дюран Дюран» записали в 1982 году, – сообщила Черная Птичка, тщательно затушив сигарету в предложенной пепельнице и водрузив крышку на место. – А видео на самом деле сняли в Антигуа. Марселина, что случилось с машиной съемочной группы?

– Полиция обнаружила ее раздетой до подрамника на краю Мангейры. Страховка все покроеет. Но это значит, что все работает. То есть я хочу сказать, формат требует небольшой доводки, но идея замечательная. Это хорошее телешоу.

Черная Птичка зажгла очередную сигарету. Марселина маялась возле двери в монтажную. *«Дайте мне снять ее, дайте мне, дайте мне, дайте мне эту пе-*

---

¹⁹ Клип «Save prayer» группы «Дюран Дюран» снимался на Шри-анке.

редачу».

– Это хорошее телешоу, и меня оно заинтересовало.

Это наивысшая похвала, какую можно услышать от Черной Птички. У Хоффман дрогнуло сердце, но виной тому, скорее всего, стимуляторы. Потихоньку слезть с них, а потом нормально выспаться ночью – вот, по ее опыту, самый лучший способ отойти от ночной смены. Разумеется, если проект утвердят, то она может поехать напрямик в кафе «Барбоза», постучать в дверь Аугусту особым секретным масонским стуком и провести остаток дня с шампанским, глядя, как мимо проносятся роллеры с крепкими, как персик, задницами.

– Умное, злободневное, для всех возрастов, но, увы, его не будет.

Черная Птичка подняла руку, обтянутую кружевной перчаткой, предвосхищая протесты Марселины.

– Мы не можем запустить его.

Она постучала по панели беспроводного контроля и включила Четвертый новостной канал. В утреннюю смену работала Аузирия Менендес. Значит, Эйтор наверняка позвонит Марселине где-то в полдень и позовет на обед. В такой день страхи и тревоги немалодого ведущего новостей – это то, что ей нужно в последнюю очередь. Казалось, картинка попала на

экран прямо из ее головы: полицейские автомобили окружили автомобиль на обочине шоссе. Сан-Паулу, гласил заголовок. Дальше съемка с вертолета: патрульные машины и броневики спецназа перед воротами тюрьмы Гуарульяс. С территории исправительного учреждения поднимаются столбы дыма. На полуразобранной крыше стоят люди с плакатом, изготовленным из простыни, на нем красной краской что-то написано.

– ПСК²⁰ объявила войну полиции, – сказала Черная Птичка. – Как минимум дюжина копов уже погибла. Они взяли заложников в тюрьме. А потом Бенфика... нет, мы не можем пустить это в эфир.

Марселина топчется у двери, тихо моргая, пока экран телевизора не превращается в крошечное дрожжащее пятнышко в конце длинного тусклого туннеля, гудящего от банок «Куата»²¹ и амфетаминов, Леандру и Черная Птичка не оборачиваются странными лимузинами, которые волокут ее на своих бамперах. Марселина слышит свой собственный голос словно бы из

---

²⁰ Речь о криминальной группировке Primeiro Comando da Capital (сокращенно РСС) – это крупнейшая преступная организация в Бразилии, насчитывающая более тринадцати тысяч человек, половина из которых сидит в тюрьме. Банда, которая, как утверждают ее члены, борется в том числе и за права заключенных, регулярно устраивает мятежи в исправительных учреждениях Бразилии.

²¹ Энергетический напиток на основе гуараны.

какого-то динамика, скрытого внутри ее тела:

– Мы должны быть оригинальными и смелыми.

– И твоя идея оригинальная и смелая, а потом каналу не продлят лицензию. – Черная Птичка поднялась и стряхнула сигаретный пепел со своих прелестных перчаток. – Прости, Марселина.

Ее икры, обтянутые нейлоном, потерлись друг о друга, создавая электрический разряд, когда она открыла дверь монтажной. Свет слепил. Черная Птичка превратилась в аморфную тень в центре сияния, когда шагнула в самое сердце солнечного света.

– Беспорядки утихнут, как обычно...

Но Марселина нарушила собственное правило: не возражать, не оспаривать, не умолять. Нужно любить проект достаточно, чтобы воплощать его, но не настолько, чтобы не дать ему развалиться. Ее любимый жанр – развлекательные реалити-шоу – имел тошнотворный рейтинг успешности в два процента, и Марселина стала толстокожей, она выучила местное кунфу: никому не доверять, пока чернила не высохнут на контракте, и даже тогда составитель телепрограмм царь и бог: он дал, он и взял. Но каждый удар высасывал энергию и лишал стимула – это все равно, что пытаться остановить супертанкер, пиная в него футбольные мячи. Марселина даже не помнила, когда ей в последний раз нравилась эта работа.

Леандру выключил пилотный выпуск и заархивировал план монтажа.

– Не хочу тебя торопить, но у меня еще Лизандра с «Пластикой в обед».

Хоффман взяла свои документы и жесткий диск и подумала, что было бы очень неплохо разреветься. Но не здесь – здесь никогда, не перед конкурентами.

– Эй, Марселина... мне жаль, что так вышло с «Побегом». Понимаешь, время неподходящее. – продолжил редактор.

Лизандра уселась в кресло Марселины и положила журнал дублей и бутылку воды прямо на стол. Леандру пощелкал кнопками.

– Да ладно, это же всего лишь бизнес, ничего личного, – сказала Марселина.

– Знаешь, ты всегда так философски ко всему относишься. Я бы на твоем месте после такого просто пошел и где-нибудь надрался бы.

«Был такой вариант, но после твоих слов я скорее намажу губы дерьмом вместо помады, чем напьюсь до потери пульса в „Барбозе“».

Марселина представила, как медленно выплескивает кислоту из открытого автомобильного аккумулятора в лицо Лизандры, как по ее белой и бархатистой, словно персик, коже текут кровавые узоры в духе Джексона Поллока. Будет тебе «Пластика в обед»,

сука.

Гунга²² проговаривал ритм, басы пыхтели – это пульс города и гор. Медиу был болтуном, небрежно и бесцеремонно разносящим сплетни улиц и баров, новости о жизни знаменитостей. А виола – певицей, она заглушала и басы, и перкуссию – ее мелодия торжественным гимном разносилась на фоне остальных звуков и ложилась на ритмы гунга и медиу, а потом, не переставая трясти ягодицами, скрылась, словно дух самой капоэйры, за ритмичными проигрышами и пассажами, ложными атаками и импровизациями.

Марселина стояла босая в круге музыки, грудь вздымалась, руки были подняты. Пот градом катился по подбородку и локтям, капая на пол. При игры в роде²³ без трюков и обманов не обойтись. Марселина с надлежащей наглостью манит противника поднятой рукой. Ее соперник пританцовывает в жинге²⁴, готовый атаковать и обороняться, все его чувства

---

²² Одна из разновидностей беримбау (бразильского однострунного ударного музыкального инструмента), гунга обладает самым низким тоном, помимо этого есть еще две разновидности беримбау: медиу (средний тон) и виола (высокий тон). Все три вида беримбау используют в современных школах капоэйры (бразильское боевое искусство).

²³ Так называется круг, образуемый участниками, в котором играют капоэйристы.

²⁴ Базовое движение в капоэйре, при котором игрок постоянно пере-

обострены. Так нагло вызывать противника на танец – это по-бразильски, в духе жейту²⁵, в духе малисии²⁶. Капоэйристы поют нараспев:

*Е-е-е, я шел Прохладным утром
И встретил Великого Сан-Бенту,
Играющего в карты с Псом.*

Рода хлопает в ладоши в контрапункт торопливым, звенящим ритмам беримбау. Это с виду такой грубый инструмент, его происхождение от боевого лука явно проступает в изогнутой форме деревянной верги²⁷ и туго натянутой, как тетива, струне. Беримбау кажется кустарным: тыква, проволока из автомобильной шины, крышка от бутылки, которая прижата к струне, палка, чтобы извлекать звуки, – в круглом животе инструмента живут всего две ноты. Это инструмент трущоб. Когда Марселина только начала заниматься капоэйрой, то презрительно относилась к бе-

---

двигается, готовясь уйти от удара или провести удар самому.

²⁵ Жейту – это термин, который обозначает бразильскую культуру «решения вопросов».

²⁶ Речь о сущности капоэйры, которая передается словом «малисия» (порт. malícia) – умение хитрить, вводить партнера в заблуждение относительно ваших намерений и планов в игре. Необходимо изобразить свою мнимую незащищенность и открытость для удара, а при попытке атаковать провести изящную контратаку.

²⁷ Палка, на которую натягивают струну.

римбау: она же пришла сюда драться, а только потом танцевать. Но танца без музыки не бывает, и когда она выучила порядок, то зауважала дребезжащие просторечные голоса беримбау, а затем разобралась в ритмических тонкостях этого инструментального трио, говорившего всего шестью нотами. Местре²⁸ Жинга не уставал повторять, что Марселине никогда не получить корда вермелья²⁹, если она будет пренебрежительно относиться к беримбау. Капоэйра – это больше, чем просто бой. Марсе-

лина заказала себе медиу в фонде местре Бимбы³⁰ в Салвадоре, духовном доме классической капоэйры Ангола³¹. Медиу так и лежал нераспакованным за диваном. Для Марселины, одетой в красные капри с белыми полосками и короткий топик, бой был тем, что нужно после поражения на работе, которое все еще комом стояло в горле.

Местре Бимба, местре Нестор,

---

²⁸ Мастер капоэйры.

²⁹ Красный пояс, который присваивается в капоэйре мастерам первой степени, фактически поясами являются разноцветные веревки.

³⁰ *Местре Бимба* (настоящее имя Мануэль душ Рейш Машаду 1900–1974) знаменитый мастер афробразильского боевого искусства капоэйра Региональ.

³¹ Еще одна ветвь капоэйры, созданная легендарным местре Пастинья (1889–1981).

*Местре Эзекиел и Кенжикинья,
Все они знаменитые люди,*

Которые научили нас играть и петь – поет рода, создав три концентрические окружности внутри влажного бетонного четырехугольного двора, разрисованного святыми культа умбанда³² и легендарными местре капоэйры, изображенными в прыжках, сочетающих трюки кунфу и изящество балета. И снова Марселина манит соперника и улыбается. Ритм переключается с Сан-Бенту-Гранде³³ на так называемую песню вступления, канту де энтрада – формальность, которой придерживается местре Жинга в своей школе, прославляя былых мастеров капоэйры. Жаир пересекает роду и берет руки Марселины в свои. Они медленно движутся лицом к лицу, так церемонно, будто исполняют форро³⁴ вдоль круга поднятых рук, голосов и звуков беримбау. Жаир – нахальный парень на десять лет моложе Марселины, высокий, черный и привлекательный, причем последним обстоятельством явно гордится, поддерживает внешний вид и ведет себя с достоинством и уверенностью, граничащими с дерзо-

---

³² Бразильская синкретическая религия, сочетающая в себе черты католицизма, спиритизма и афробразильских традиций, в настоящее время ее приверженцами являются около миллиона человек.

³³ Быстрый ритм.

³⁴ Бразильский народный парный танец.

стью. Он не дерется с белыми и женщинами. Белые двигаются, как негнущиеся деревья или как грузовик со свиньями, едущими на бойню. А женщины вообще никогда не поймут, что такое «малисия». Это доступно лишь парням. А маленькие белые бабы с немецкими именами и белой немецкой кожей – самые смешные из всех. Таким не стоит тратить время на капоэйру. Все равно без толку.

Конкретно эта белая немецкая баба уже дважды удивила его. Первый раз лиричным эс-добраду³⁵, который начался с ложной подсечки с пола, при этом руки и ноги касались земли, а потом перешел в перекат колесом на одной руке и быстрый удар правой ногой, от которого Жаир увернулся только резко присев в защитную стойку «негачива»³⁶, подняв руку, чтобы прикрыть лицо. Марселина легко предугадала атакующий удар «мейя луа»³⁷. «Е! Е!» – кричат зрители. Второй раз они ахают и громко хлопают, когда Хофф-

---

³⁵ Разновидность комбинированного удара.

³⁶ Одна из базовых стоек в капоэйре, в данном случае при транслитерации учтена произносительная норма диалекта Рио-де-Жанейро, в котором «t» произносится как «ч», это положение, когда капоэйрист сидит на полностью согнутой ноге, выставляя вперед прямую ногу, одна рука опирается на землю рядом с прямой ногой, вторая – закрывает голову.

³⁷ Так называемый «полумесяц циркулем» – круговой удар в горизонтальной плоскости пяткой с опорой на руки и одну ногу.

ман ныряет в «мейя луа пулада»³⁸ – бесценный вклад группы Сензала³⁹ в капоэйру. Боковым зрением она мельком увидела, что местре Жинга присел на корточки со своей резной тростью, словно старый ангольский король, сохраняя при этом каменное выражение лица. Старый козел. Что бы Марселина ни делала, на него это не производило впечатления. «*Ты не магистр Йода*». Затем наступила очередь «шапеу де кору», удара ногой из положения сидя с опорой на одну руку. Жаир оторвался от земли, а Марселина едва успела упасть на четыре опорные точки, наблюдая, как над головой просвистела нога соперника.

Поначалу капоэйра была лишь очередной модной волной, которую оседлала Хоффман, вечно испытывавшая вампирский голод по чему-то новому и свежему. На Четвертом канале «обеденный перерыв» – слово для лузеров, если только вы не проводите его с пользой. Когда в моде была спортивная ходьба, Марселина первой рискнула выйти на жаркий пляж Ботафогу в спортивных туфлях, костюме из спандекса, в темных очках с узором в виде паучьей сетки и шаго-

---

³⁸ «Полумесяц в прыжке» – круговой удар в горизонтальной плоскости, но двумя ногами.

³⁹ Основанная в 1963 году в Рио-де-Жанейро группа *Senzala de Saroeira* является одной из самых известных групп капоэйры в мире, само слово «сензала» означает «дом для рабов».

мером, отмеряющим канонические десять тысяч шагов. Через неделю несколько ее друзей и куча соперников высыпали на улицу. Потом она услышала сквозь шум автомобильного движения брэнчание беримбау, веселый звон агого⁴⁰ и пение, доносившиеся из парка Фламенгу⁴¹. На следующий день она уже присоединилась к ним, хлопая в ладоши, как типичная немецкая блондиночка, пока жилистые парни с голыми торсами крутились колесом, кружились и наносили удары ногой в роде. Местре Жинга просто устроил презентацию своей школы для привлечения новых учеников, но для Марселины это стало Следующим Крутым Новшеством. Капоэйра правила целый сезон, ей посвящали каждый второй питчинг, но потом сдавалась под натиском очередного тренда. К тому времени Марселина пожертвовала костюм из спандекса и вышедшие из моды очки в благотворительный магазин, а шагомер подарила соседке с нижнего этажа, сеньоре Коста, которую преследовал страх, что ее муж – лунатик и проходит ночами по улицам километр за километром, воруя всякие мелочи. Марселина же ку-

---

⁴⁰ Бразильский народный музыкальный инструмент африканского происхождения, который часто используют для создания ритмической полифонии в капоэйре, представляет собой сдвоенный металлический колокольчик, на котором играют ударяя по нему палочкой.

⁴¹ Гигантский парк в Рио-де-Жанейро, одна из самых больших парковых зон в мире, занимает площадь более миллиона квадратных метров.

пила себе классический набор из капри с полосками и эластичного коротенького топа и дважды в неделю отправлялась на такси в школу местре Жинга Сильвестре, вверх по серпантину на гору Корковаду, напоминающую женскую грудь, где на вершине, словно торчащий сосок, стоял сам Христос. Она стала адептом этого боевого танца. В конце концов, мода на него вернется снова, так всегда было.

Руки сцеплены, капоэйристы продолжали кружиться. Ночь влажная, и облака низко висели над Тижуккой. Теплая сырость задерживала и усиливала запахи: фруктовый и тошнотворно-приторный аромат бугенвиллии, нависающей над двориком, где проходили бои, прогорклый дым масла в лампах, которые очерчивали роду, медово-соленую сладость пота, стекающего по поднятым рукам Марселины, плодородную и питательную кислотность ее подмышек. Хоффман разжала руки и отпрянула от Жаира. На одном дыхании беримбау и агого перескочили на мотив Сан-Бенту-Гранде, и на том же дыхании Марселина резко присела на корточки, схватила Жаира за отвороты брюк с узором из черепов с перекрещенными костями, встала и опрокинула парня на спину.

Рода взревела от восторга. Беримбау, казалось, усмехнулись струнами. Местре Жинга сдержал улыбку.

ку. Это «бока де калса»⁴² – движение такое простое и глупое, что никогда и не подумаешь, что оно может сработать, но потому и сработало. А теперь завершающий штрих. Марселина протянула руку. Как только один из участников предлагает руку, игра закончена. Но Жаир из защитной стойки «негачива» ударил пятой с разворота – это «армада». Хоффман легко нырнула под его голой ногой и, пока он не успел восстановить равновесие, резко стукнула ему с обеих сторон по ушам – двойной «галопанче». Жаир с воплем упал, смех прекратился, беримбау умолкли. Каркнула какая-то птица. На лице местре Жинга теперь не было и намек на улыбку. Марселина снова протянула руку. Жаир молча отказался, поднялся и вышел из круга, потряхивая головой.

Учитель ждал в желтом свете фонарей, пока к Марселине приедет заказанное такси. Кто-то сам ведет в этой жизни, а кого-то везут. Низко склоненные ветви деревьев и тянущийся вверх фикус отбрасывали причудливые изменчивые тени на местре, который оперся на палку. На его шее покачивался амулет патуа, защищавший от злых духов.

«Ты не Йода, мать твою, – подумала Марселина. – И не Гэндальф Серый».

---

⁴² Бросок захватом за обе штанины или лодыжки партнера с рывком на себя.

– Это было хорошо. Мне понравилось. «Бока де калса» – настоящий прием маландру⁴³.

Его голос скрежетал так, словно учитель выкуривал по четыре пачки сигарет в день. Насколько Марселина знала, местре Жинга никогда не курил, никогда не употреблял маконья⁴⁴, не говоря уж о других наркотиках, а пил только в дни поминовения святых и по национальным праздникам. Говорили, что он хрипит из-за узелков на голосовых связках, но какова бы ни была биологическая подоплека, Марселина от его слов всегда чувствовала себя так, словно оказалась в фильме «Карате-пацан».

– Я думал, что, может быть, ты в итоге сумеешь понять, как себя надлежит вести, понять жейту и тут...

– Я извинилась перед Жаиром, но он отнесся с прохладцей. В ушах позвенит пару дней, но он ведь сам решил продолжить. Я предложила, он отказался. Как вы говорите, на улице нет правил.

Когда она, танцуя, вышла из оборонительной стойки, то видела перед собой лицо не Жаира, а Черной Птички во всей ее красе, с макияжем, и кулаки тут же поняли, что нужно делать: удар по ушам, самый унижительный в жогу. Двойная пощечина.

– Ты злилась. Злость – это глупо. Разве я тебя не

---

⁴³ Хитрый, умный капоэйрист.

⁴⁴ Травка, марихуана.

учил? Смеющийся человек всегда победит злого, поскольку злой глуп, им двигает ярость, а не хитрость.

– Да, да, конечно, – сказала Марселина, закидывая сумку с вещами на заднее сиденье такси. Она надеялась, что боевой танец испепелит гнев, превратит в соответствии с доморощенным дзенем местре Жинги в насмешливый хохот настоящего маландру, беззаботного и любимого миром, который присматривает за ним, как мать. Музыка, песни, хитрые шаги подготовительной жинги лишь раздули злость, пока она не пронзила черный резервуар с яростью – неистовства столь древнего, что оно уже превратилось в черное горячее масло. Там скопились долгие годы гнева. Разумеется, на семью, на мать, которая изящно и респектабельно спивалась в своей квартире в районе пляжа Леблон, на сестер, их мужей и детей. На друзей, а по совместительству соперников и подхалимов, которых Марселина держала в поле зрения. Но в большей степени это был гнев на саму себя, на то, что к тридцати четырем годам она так далеко ушла по своей особой дороге, что обратного пути уже не было. «Я не представляю, чтобы дети могли компенсировать мой потенциальный карьерный рост». Все семейство Хоффман собралось в ресторане «Леопольд» на шестидесятилетний юбилей матери. Марселину, тогда еще двадцатитрехлетнюю, только при-

шедшую на Четвертый канал, ослепили свет, камера, мотор. Марселина до сих пор слышала свой голос за столом – от пива и самоуверенности она объявила войну своим старшим замужним сестрам, их мужьям и яйцеклеткам.

– Я не хочу ехать в Копа, – приказала она, вынимая телефон, а пальцы танцевали свой собственный танец жинга по клавишам, набирая текст. – Отвезите меня на Руа Табатингуэра.

– Хорошо, – отозвался таксист. – Копа кишит полицейскими и военными. Сейчас перекинется на Морру-ду-Паван⁴⁵.

* * *

Это был не первый еженедельный брифинг, на который она пришла с похмелья. Зал заседаний Четвертого канала – комфортные диваны, низкие столики, изогнутая стеклянная стена, синий с золотом Ботафогу и смог, висящий над муниципалитетом Нитерой и заливом, – превратился в сверхглубокую партию басов. В соответствии с генеральной установкой на новизну, оригинальность и кидалтов стены украшали огромные фотографии персонажей «Звездных

---

⁴⁵ Название фавелы.

войн». Марселина чувствовала, как на нее давит Боба Фетт. Все пройдет нормально, если не придется ничего говорить, если только Лизандра своим паучьим чутьем не уловит, что Марселина отходит после двух третей бутылки водки, залитых ледяной «Баварией» из холодильника. Новый день, очередной алкогольный роман.

Если бы только она не ревела каждый раз, когда приходила к Эйтору в гости.

Присутствовали главы отделов по жанрам, редакторы, исполнительные продюсеры и руководители проектов. Черная Птичка сидела в очках и в платке, словно только что слезла, обласканная ветром и поцелованная солнцем, с итальянского мотоцикла Мото Гуччи. Роза, отвечавшая за составление программы передач, вывела вчерашние рейтинги на экран. Минималистские кожаные диваны хрустнули под тяжестью тел. Новый телесериал медиаканала «Реде Глобу» получил аудиторию в сорок процентов за все четыре периода статистической выборки, достигая пика в сорок четыре процента среди зрителей от восемнадцати до тридцати четырех лет. В том же временном интервале «Школа ниндзя» Четвертого канала привлекла лишь восемь с половиной процентов аудитории с сильным перекосом в сторону мужской части зрителей, на полтора процента отстала от «Красотки навыв-

лет» на SBT и сравнялась с пиковым сегментом «Глобу спорт». Адриану Руссу вошел, чтобы сделать краткое заявление.

Программный директор Четвертого канала старался выглядеть так, будто только что оставил доску для серфинга в приемной, но при этом для него всегда резервировали стул в конце подиума из стеклянных столов, и, судя по безупречному маникюру, ничего тяжелее папок и «Блэкберри» Адриану в руках не держал.

– Во-первых, имхо, в этой комнате собрались самые креативные, творческие, упорные и упертые люди, каких я только встречал, это без вопросов, – начал он.

По этикету полагалось кивать, пока директор сыпал сетевыми аббревиатурами, словно в чате, хотя иногда, как все считали, он просто придумывал свои собственные.

– Вечер выдался не ахти. ОК. Но нельзя, чтобы весь сезон так прошел. – Он поправил папку на стеклянном столе. – Только для старших редакторов и глав отдела. У меня появилась информация о зимнем расписании «Реде Глобу». – Тут встрепенулась даже Черная Птичка. – Вам разосланы по почте ПДФ, но гвоздь программы зимнего сезона – новый телесериал. Пока вы не начали стонать про скучные и однообразные передачи, я поделюсь с вами парочкой деталей. Се-

риал называется «Мир где-то там», сценарий написан Алехандро и Коскимом, но вот в чем реальная тема – проект должен стать триумфальным возвращением Аны Паулы Арозиу. Она играет в паре с Родригу Сантору. «Глобу» вернет их на родину и на телеэкран. Все снимается на секретной закрытой площадке в Бразилии, вот почему никто ничего не слышал. Большая презентация для прессы намечена на следующую среду. Первый выпуск покажут пятнадцатого июня⁴⁶. Нам нужно что-то весомое, яркое и интригующее. Чтобы народ собирался у кулеров и обсуждал нашу передачу, дерзкую и злободневную, мол, как только эти сволочи с Четвертого канала осмелились и все такое прочее. Чтоб у критиков случился полный ГНЛП!

Глаза На Лоб Пovyлазили, предположила Марселина сквозь гул бесконечного утра. Но не снято еще такое шоу, которое выигрывало бы у мыльной оперы. Любая передача, которая рискнет вякнуть против Аны Паулы Арозиу и Родригу Сантору, падет с десятью пулями в голове. Но «Глобу» считает, что «Мир где-то там» оставит после себя огромную толпу зрителей, которые не станут щелкать по каналам после каждой новой серии и останутся у телевизора. А зна-

---

⁴⁶ Времена года в Бразилии прямо противоположны европейским, поэтому «зимний сезон» на телевидении – это июнь, июль и август.

чит, по опыту Марселины, там пустят что-то дешевое и жизнерадостное. Какое-нибудь «Бла-бла-бла за кулисами» – куча сцен со съемок, интервью с актерами, отрывками из следующих серий, без спойлеров конечно. Вот эту аудиторию и хочет украсть Адриану Руссу. Впервые за долгие месяцы где-то в глубине души Марселины Хоффман ёкнула надежда. Похмелье испарилось от дуновения адреналина. Амбиции блондинки. Карьера блондинки. Снова закрутится карусель проектов. Развлекательные реалити-шоу возьмут свое. Она получит собственный кабинет в виде стеклянного куба. Людям придется стучаться, чтобы войти. Собственный помощник. Ей надо будет только намекнуть, что она хочет «Блэкберри» или розовую «Моторолу Рэзр», и те уже утром материализуются на ее столе по мановению палочки технофеи. Первое, что сделает выпускающий редактор, – отменит шоу всех врагов. Марселина фантазировала, как разобьет в пух и прах все предложения Лизандры во время пятничного мозгового штурма. Она могла бы приобрести ту квартиру в Леблоне, возможно, даже с видом на пляж. Мать порадовалась бы. Марселина могла бы прекратить тянуть время с инъекциями ботокса на скорую руку и объявить полную пластическую атаку на морщины, выдававшие возраст. Спасибо, Богоматерь Дорогостоящих Проектов.

– У нас есть шесть недель, чтобы переломить ход событий. Презентации присылайте главам отделов к пятничному собранию. – Адриану Руссу собрал свои бумаги и поднялся. – Всем спасибо.

«Пока, Адриану. Спасибо, Адриану. Увидимся в пятницу, Адриану. Обнимаю, Адриану».

– Кстати, – он повернулся, уже стоя у двери. – Хотя и не у нас, но напоминаю, что в этом году проходит чемпионат мира по футболу.

«Спасибо, Адриану. Правильно, Адриану. Мы учтем, Адриану».

Боба Фетт все еще грозно держал Марселину на прицеле, но зато Йода, казалось, улыбался.

22 сентября 2032 года

Мяч неподвижно висит в воздухе. Его траектория дугой окаймляет Сидаде-де-Лус, пятьдесят улиц на склоне, на вершину приходится терновый венец фавелы, внизу шоссе исходит от жары в отражении окон и зеркал заднего вида. С другой стороны дороги начинаются закрытые анклавы: красные крыши, голубые бассейны, зеленые тени. В мареве бесконечные башни Сан-Паулу превращаются в архитектурные призраки, в которые с трудом верится, на их верхних этажах горят рекламы. Вертолеты нетерпеливо снуют между посадочными площадками на крышах. Там,

наверху, живут люди, чья нога никогда не касалась земли. Но Ангелы Постоянного Надзора поднимаются еще дальше. В ясный день их можно заметить – еле заметное мерцание, словно заблудившиеся клетки в желеобразной массе внутри глаза, когда беспилотники поворачиваются на своей орбите и их большие, похожие на паутинку крылья бликуют на солнце. Шестнадцать беспилотных летательных аппаратов, бранных, как молитвы, постоянно кружат на границе тропосферы. Эти роботы, словно ангелы, никогда не устают, без необходимости не касаются земли и подобно ангелам читают людские сердца и намерения. Они мониторят и отслеживают два миллиарда арчидов – активных радиочастотных идентификационных устройств, – которые рассеяны по машинам, одежде, бытовой электронике и кредитным картам двадцати двух миллионов жителей города Святого Павла. В двадцати километрах над Ангелами Постоянного Надзора огромные воздушные шары размером с городской квартал маневрируют в тропопаузе⁴⁷, удерживая позицию над наземными центрами передачи данных. Эксабайты² информации циркулируют между ними, создавая бесшовный узор коммуникации, в которой укутана не только Бразилия, но и вся планета. А еще выше, за пределами чувств и

---

⁴⁷ Переходный слой между тропосферой и стратосферой.

мыслей, GPS-спутники движутся по предустановленным орбитам, отслеживая малейшее движение, записывая любую транзакцию, каждый реал и центаво. И над всем этим Господь в своем кресле взирает на Бразилию и триста миллионов душ, ностальгируя по тем временам, когда всеведение было его прерогативой.

Все это на долю секунды застывает в параболе, которую описал футбольный мяч ЧМ-2030. А потом он падает. Приземляется на правую ногу девушки в облегчающих шортиках из спандекса, на которых сзади написано ее имя – Милена – желтыми буквами на зеленом фоне. Она удерживает мяч на плоской поверхности бутсы, а потом снова отправляет его в полет. Резко поворачивается, отбивает мяч левой ногой, подныривает под него и ловит на грудь. На футбольной майке спереди написана ее фамилия синим на золотисто-желтом. Кастру. Синий, зеленый и золотистый – цвета бразильского флага.

– Грудь могла бы быть побольше, – говорит Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас, втягивая утро сквозь зубы. – Но, по крайней мере, она блондинка. Она ведь настоящая блондинка?

– Вы о чем? Это моя двоюродная сестра!

Двукурок – тощий парень с желтоватой кожей, каких в Бразилии называют эншуфрада, без особого стиля и не разбирающийся в жейту и, если эта девчонка, ко-

торая выписывает пируэты под мячом в своих сексуальных шортиках и коротеньком топе – его двоюродная сестра, тогда Эдсон не шестой сын шестого сына. Они сидят на складных армейских брезентовых стульях на краю площадки для футсала⁴⁸, в бетонном бункере, полном собачьего дерьма, на пустыре за Ассамблей Богa⁴⁹. Милена Кастру, королева футбола в Сидаде-де-Лус, теперь удерживает мяч на голове на счет раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Все хорошие девочки попадают в рай. Особенно за Ассамблей Богa. Мяч послушно подскакивает на ее поднятом лбу. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать. Как богачи и ангелы, этот мяч никогда не касается земли.

– И сколько она так может?

– Да сколько захотите.

Девушка держит шар на голове и широко улыбается, потом подмигивает Эдсону и принимается перекидывать мяч с колена на колено. На ней гетры патриотических цветов. Они окончательно покоряют Эдсона.

– Я беру ее. – Он практически видит, как в глазах Двукурка посыпались реалы, словно в мультике. – Приходите ко мне в офис, поговорим.

---

⁴⁸ Мини-футбол, в который играют в крытых залах и более тяжелым по весу мячом.

⁴⁹ Христианская пятидесятническая церковь.

«Офис» – это на самом деле хибарка рядом с домом доны Ортенсе, в которой пахнет собачьей мочой и плесенью, но именно оттуда ведет свои дела бюро по поиску талантов «Де Фрейтас Глобал Талант». Королева Милена разворачивается, принимает позу, и мяч с легкостью падает в изгиб руки.

– Я впечатлен.

Ее белая кожа даже не увлажнилась от пота.

– Думаю, у тебя есть талант. К несчастью, в наши дни одного таланта мало. И вот тут я могу помочь. Тебе нужно УТП. Ты знаешь, что это? Уникальное торговое предложение. Кстати, милые шортики, но придется их снять.

– Эй! Это моя сестра на минуточку! – восклицает Двукурок.

Местные ребяташки приходят по трое-четверо на площадку для футсала, нетерпеливо ударяя по маленькому, тяжелому мячу.

– Тут нужны стринги. А еще в какой-то момент потребуется увеличить грудь. Это не помешает?

Королева Футбола качает головой. Мальчишки, пришедшие на игру, пялятся на нее. Она к такому привыкла, думает Эдсон. Но в первом тайме на стадионе Парк-Сан-Жорже на тебя будут смотреть сорок тысяч, пока ты будешь снова и снова отбивать мячик.

– Отлично, отлично, отлично, тогда я попытаюсь

пропихнуть тебя в одну из команд серии С. «Атлетику Сорокаба», «Риу Бранку», что-то типа этого. Раскрутим тебя, создадим репутацию, а потом двинемся дальше. Но для начала тебе нужно прийти ко мне в офис, чтобы уладить формальности.

Милена спокойно кивает, натягивает шелковую куртку с эмблемой «Тиман»⁵⁰ и вязаные гамаши командных цветов. По крайней мере девчонка понимает, как дела делаются, в отличие от Двукурка, который туп настолько, что Эдсон недоумевает, как ему вообще удалось дожить до двадцати восьми лет. Но она может выстрелить. Это первый крупный контракт «Де Фрейтас Глобал Талант», не считая женской команды по фудволею⁵¹ и Налика, но то была лишь разминка. Эдсон щелкает стульями, они складываются в тонкие трости, которые человек может нести за спиной. Умная штука, эти смарт-пластики. Двукурок обнимает Королеву Футбола за обнаженную талию совсем не по-родственному. Надо заплатить ему комиссионные и вышвырнуть через заднюю дверь.

– Буду после девяти! – кричит Эдсон ему и Милене. Мимо проносятся мальчишки, жаждущие отво-

---

⁵⁰ Прозвище футбольного клуба Сан-Паулу «Коринтианс», которое можно перевести как «командища».

⁵¹ Популярный в Бразилии спорт, сочетающий в себе качества пляжного волейбола и футбола.

евать обратно свою территорию, натягивают сетку и скидывают гавайские рубашки.

Уроdlивое лицо появляется на айшэдах⁵² Эдсона – это Герсон, пятый из шести сыновей, куда менее любимый во всех отношениях, чем Эдсон. Эдсон постукивает по оправе, отвечая на звонок.

– Привет, мой непутевый брат, должен сообщить, я только что подписал прелестный контракт...

Эдсон мог перечислить тысячу глупостей, которые совершил Герсон за свою жизнь, но сегодня тот переплюнул себя. Он звонил потому, что через сорок минут ребята из охранной фирмы «Бруклин Бандейра» отследят его и убьют.

Из перевернутой дамской сумочки льется дождь из карточек, монет, ключей, тампонов, губной помады, пудреницы, мини-версии глянцевого журнала.

Монетки и ключи прыгают по мостовой, тампоны катятся в разные стороны, их разносит горячий ветер. Журнал со сплетнями – размером как раз под дамскую сумочку – падает, словно птица с перебитой спиной. Пудреница ударяется о бетон и взрывается, распадаясь на створки, спресованную пудру, пуховку и зеркальце. Последнее прокатывается чуть дальше. Герсон Жуан Оливейра де Фрейтас напал на девушку

---

⁵² От английского «shades» (солнечные очки).

вне поля зрения систем безопасности. Он выследил ее рядом с магазином «Хьюго Босс» на Авенида Паулиста, ехал за такси до анклава, где обитали представители среднего класса, включая ее маму с папой, – до спрятавшихся за кладбищем Вила-Мариана псевдофазенд в колониальном стиле с крутыми прохладными бассейнами. Нужно было брать, пока девчонка возилась с пакетами. Он потянул за ленту одноразового пластикового пистолета. Девчонка все поняла с первого раза. Герсон вывалил все содержимое из сумочки, выбросил пистолет, который тут же начал разлагаться, и развернул маленький мотоцикл. Все закончилось прежде, чем девчонка успела закричать.

Заднее колесо разбивает зеркало, когда Герсон разгоняется. Кому-то это сулит несчастье. Он стягивает бандану, которой прикрывал лицо, вниз, на шею. Сейчас одного взгляда на нее достаточно, чтобы тебя остановили и обыскали. Антисоциальный наряд. Ее айшэды, часы, футболка, такси – чей-то глаз да срисовал его. Номерные знаки мотоцикла лежат в рюкзаке. Когда он доберется в чипперию, все вернется на место. Двадцать секунд с отверткой, и все дела. Карточки будут уже пусты. Коды ключа изменяются каждые восемь часов. Монеты стоят дешевле пластика, из которого изготовлены. Косметика, тампоны, бабские журналы и вовсе не для парней. Но на улице сумку

от Джиорелли Хаббаджабба сезона 2032, которая не просто *должна*, а *обязана* во что бы то ни стало быть у каждой девушки, можно толкнуть за три тысячи реалов. Да-да, три тысячи за сумочку. Приз болтался у него на руке, пока Герсон летел по наклонному съезду в сторону ревущей Авенида Франсиску Мескита.

Сеньора Ана Луиза Монтенегру де Коэльо постучала пальцами по большим коричневато-желтым айшэдам, отправляя сообщение о правонарушении в компанию «Южное страхование и безопасность». Бандана на лице. Ну, конечно. Без номеров. Разумеется. Но в десяти километрах над Сан-Паулу Ангел Постоянного Надзора поворачивается в своем бесконечном кружении и загружает информацию об украденной сумочке. Из всего снегопада постоянно движущихся данных с архивов он идентифицирует и находит уникальные чипы дизайнерской сумочки от Антона Джиорелли Хаббаджабба, которая недавно была зарегистрирована на сеньору Ану Луизу Монтенегру де Коэльо. Затем он вызывает нейронную карту Сан-Паулу – две тысячи квадратных километров и двадцать два миллиона душ – и тщательно ищет во всех пригородах, муниципалитетах, в торговом районе и в фавеле, методично обыскивает торговые центры, улицы, парки, футбольные стадионы, беговые дорожки, автомобильные шоссе и в итоге находит фиолетовую с ро-

зовым сумочку болтающейся на руке у Герсона Жуана Оливейры де Фрейтаса, сгорбившегося за рулем своего подержанного мотоцикла, который гудит, как неоновая лампа, и несет хозяина вдоль парка Ибиратуэра. Контракт предложен. Автоматические системы торгов десятка частных охранных компаний, готовых работать в рамках установленного бюджета, подают заявки. Через пятнадцать секунд компания «Южное страхование» передает заказ фирме «Бруклин Бандейра». Это средних размеров солидная контора, которая в последнее время сдает позиции под напором молодых, посредственных, но жестоких конкурентов. После всеобъемлющей переподготовки и полной финансовой реструктуризации компания вернулась на рынок с новым подходом.

Все это из-за какой-то сумочки? С фиолетовыми и розовыми цветочками? Да Ана Луиза Монтенегру де Коэльо купит другую такую еще до заката. Но сейчас время крутых мер. Их применяют постоянно и повсеместно— борются с преступлениями и с преступниками. Обычно примерно тогда, когда нужно обновлять страховые полисы. «Бруклин Бандейра» требуется восстановить доброе имя компании, да и ребята из службы безопасности опасно заскучали, смотря бесконечный футбол по спортивному каналу. В гараже заводят два мотоцикла «сузуки». Водители уста-

навливают местоположение объекта на индикаторах, встроенных в шлемы, а пассажиры на задних сиденьях проверяют оружие и пристегиваются. Игра начинается.

В канаве перед небольшим симпатичным анклавом, где обитает Ана Луиза, одноразовый пластиковый пистолет разлагается, превращаясь в черную воющую жидкость, которая капает с решетки люка в канализацию. Несколько следующих дней обдолбанные обезумевшие крысы будут, пошатываясь, бродить и умирать на лужайках Вила-Мариана, вызвав волну ужаса среди местных жителей.

* * *

Эдсон трет двумя пальцами левой руки висок, чтобы показать старшему брату, как же он от него устал, пусть даже Герсон его и не видит. Эдсон вздыхает.

– Что ты хочешь мне сказать? Они не могут стереть арчиды?

– Тут какая-то новая фигня. Называется НП⁵³-чип. Герсон попивает кофе и наслаждается сладкими и все еще теплыми булочками в чипперии «Амилкар и мистер Смайлс». Чипперия припаркована сразу за

---

⁵³ Сокращение от «недетерминированный полиномиальный».

булочной, а значит, ее клиентам обеспечены отличные плюшки и «пан-де-кейжу»⁵⁴, пока украденные ими вещи исчезают из поля зрения Ангелов Постоянного Надзора. Амилкар и мистер Смайлс работают в подержанном фургончике, настолько забитом компьютерами, что им приходится жить на улице в палатке или под тентом. Когда все следы ведут к ним, мобильность превыше всего. Насколько Герсон понимал, тут главное подгадать время. Обычно на то, чтобы стереть арчиды уходит в среднем десять, максимум пятнадцать минут. К этому моменту круг поисков сужается до пяти километров, но без конкретики, а значит, службы безопасности не уложатся в бюджет, если придется обыскивать такую обширную территорию. Большинство просто разворачивается и едет домой, как только сигнал с арчида исчезает.

– Сколько хочешь за эту сумку? – Амилкар читает газету, а заодно обдирает струпья экземы со своей потрескавшейся ноги.

– Три тысячи реалов.

– А если серьезно?

– Но эти сумки столько и стоят. Их так просто не достанешь, говорю вам, ни за какие коврижки, ни за деньги, ни за взятку. Отвечаю.

---

⁵⁴ Традиционные бразильские сырные булочки, которые часто подают на завтрак.

– Даю тебе восемьсот, включая то, что ты должен нам за дечипирование.

– Две с половиной.

Амилкар морщится, когда отрывает до мяса особо жесткий кусок омертвевшей кожи.

– Парень, ты какой-то необразованный. Я думал, может, моей девушке подарить твою сумку, она любит всякие бренды-шменды. Но не за подобную цену.

Тут открывается дверь. Из вонючего фургончика выходит мистер Смайлс – выпускник факультета информационных технологий университета Сан-Паулу и главный хакер в чипперии. Это высокий худощавый уроженец Кабо-Верде⁵⁵ с ярко выраженными и ухоженными африканскими чертами и таким строением зубов, из-за которого кажется, что он постоянно улыбается. Правда, улыбка плохо вяжется с помповым ружьем в его руке.

– Эй-эй-эй! – вскрикивает Герсон, изо рта у него во все стороны разлетаются крошки.

– Герсон, ничего личного, но у тебя есть тридцать секунд, чтобы сесть на свой мотик и умотать отсюда.

– Что?! – Герсон ловит сумочку, которую кидает ему мистер Смайлс.

– В сумке НП-чип. Мне с ним не справиться.

– НП что? Что это за дерьмо? Ты ж ученый, должен

---

⁵⁵ Государство в Западной Африке.

знать про такие штуки.

– Я специалист по информационным технологиям, занимаюсь проектированием баз данных. А тут квантовая физика. Обратись к физику. Или просто выкини сумку в реку. Выбирай. Но я не собираюсь иметь дело с ребятами из «Бруклин Бандейра». Или я тебя пристрелю.

Вот тогда-то Герсон и позвонил своему умненькому младшему брату. Эдсон предлагает:

– Иди и выкини сумку в реку.

– Она стоит три тыщи.

– Брат, это всего лишь сумка.

– Мне нужны деньги.

– Что, опять кому-то должен? Господи Иисусе...

Эдсон шугает ребятишек от своего байка. Это кроссовый мотоцикл «Ямаха X–Cross 250», желтозеленый, словно попугай или футбольная майка, и Эдсон любит его больше всего на свете после матери и бизнес-плана. Он именно такой, каким должен быть байк, все по жейту, на нем можно хоть на стену взлететь.

– Дай мне поговорить со Смайлсом.

– Ладно, – ворчит мистер Смайлс после того, как Эдсон доходчиво объясняет, что не позволит убить своего тупого братца, пусть даже из-за женской сумочки. – Думаю, вам крышка, но можете попробовать обратиться к квантумейрос.

– Это кто еще такие? Какие «мейрос»?

– Квантумейрос. Ты слышал про новые квантовые компьютеры? Нет? Про шифры, которые нельзя взломать? А эти могут. Они физики. Я дам тебе их код, они перемещаются по городу еще проворнее нашего. Только вы это, поаккуратнее с ними. Вокруг этих ребят творится всякая странная херня.

На экране появляется карта шоссе Сан-Каэтану. Номерной знак автомобиля не читается. Машина направляется на север по R118. Эдсону становится интересно, сколько еще чипперов, крякеров и квантумейрос кочуют по автомагистралям Сампы⁵⁶.

– Попробую обратиться к ним.

– Чем Герсон заслужил такого брата, как ты? – говорит мистер Смайлс. – И я бы не стал особо медлить.

«Ямаха» заводится от отпечатка большого пальца Эдсона. Он достает из дорожной сумки усилитель внимания, заглатывает и неспешно едет по улицам позади церкви. Эдсон не хочет, чтобы грязь, оставшаяся после затяжного ночного дождя, забрызгала белые брюки-клеш.

Братья де Фрейтас встречаются через двадцать три минуты на выезде около перекрестка № 7. Еще двадцать три минуты нужно, чтобы ребята из

---

⁵⁶ Сампа – прозвище Сан-Паулу.

«Бруклин Бандейра» приблизились вплотную, сузив круг возможностей до автоматного выстрела. Эдсон то и дело посматривал на купленные под заказ камеры заднего обзора, не появятся ли черные, как нефтяная пленка, байки. Он-то сможет удрать на «ямахе» по узким переулкам, в которые громоздким мотоциклам просто не въехать, но не Герсон, мучивший алко-двигатель на своей дерьмовой тарыхтелке. Эдсон поверить не мог, что и он когда-то ездил на такой развалине. Платные камеры слежения считывают номера на его байке, пролетающие со свистом спутники списывают сумму со счета. Трудно приходится тем, кто ведет дела законным образом.

Ага, вот она, маячившая на фоне остального потока машин баркентина⁵⁷ квантумейрос: огромный сорокатонник, стабильно державший сотку по внешней полосе. Кабина украшена граффити от «Флешбек крью»⁵⁸ – стилизованные херувимчики, целая батарея клаксонов на крыше, хромированных и красивых, как трубы архангелов. На кузове красуется надпись: «Полуфаб-

---

⁵⁷ Разновидность большого парусного судна со смешанным парусным вооружением.

⁵⁸ «Крю» – название неформальных групп художников, занимающихся граффити-артом, «Флешбек крью» реально существующая ныне команда из Рио-де-Жанейро, состоящая из пяти художников, а название на португальском специально пишется с ошибкой, таким образом художники высмеяли привычку соотечественников коверкать английские слова.

рикаты для вашего стола». Хорошее прикрытие. Ни один коп никогда не станет останавливать и обыскивать грузовик с плохой жрачкой. Эдсон жестом велит Герсону приблизиться вплотную к грузовику. Прикосновение к айшэдам, чтобы связаться с адресом, который дал ему мистер Смайлс. Грузовик, подтверждая сигнал, мигает аварийками и перестраивается в полосу медленного движения, сбрасывая скорость до семидесяти, шестидесяти, пятидесяти, сорока. Черная створка поднимается, и парень средних лет в майке с надписью «Black Metal» стоит там, держась за цепь, и при этом умудряется курить. Он делает им знак подъехать ближе, еще ближе. Погрузочная платформа выезжает и наклоняется. Сталь ударяется о дорогу. Вокруг братьев Оливейра поднимается фонтан искр. Блэк-метал снова манит их, мол, давайте, въезжайте по платформе. Искры роятся вокруг Эдсона, поравнявшегося с платформой. Он вообще-то бизнесмен, а не каскадер. Эдсон скользит вперед. Пилюли концентрации дают возможность играть с микроускорениями и скоростями. Сначала переднее колесо, потом заднее, а потом Эдсон дает по газам, делает рывок вперед и одновременно тормозит и отпускает сцепление.

Курящий металлист аплодирует.

Тридцать секунд спустя Герсон въезжает по наклонной платформе и останавливается, он бледен,

его колотит дрожь. Эдсон пытается представить, что подумали автомобилисты на шоссе Сан-Каэтану при виде парня с розовой сумочкой, который нырнул в движущийся грузовик. Наверное, решили, что это съемки телесериала, и оглядываются в поисках летающих камер. «Эй! Нас снимают в сериале „Мир где-то“! Реально!»

Металлист поднимает платформу и со щелчком закрывает створку. Вспыхивают встроенные светодиодные лампы. Эдсон ощущает, как зрачки за панорамными айшэдами расширяются. Задняя часть кузова – площадка для стыковки, а первые две трети – настоящий многоуровневый офис. Нижний этаж – приемная – китч в стиле дубайского «Карма Кафе»: ковры с длинным ворсом, кожаные пуфы, надувные кресла и диваны под зебру на хилых ножках. Множество экранов, настроенных на новостные и спортивные каналы. Сложная кофе-машина, которую обслуживает бариста, и негромкая босанова⁵⁹. Наверху кабинет – прозрачный пластиковый куб с яркой неоновой подсветкой, на фоне которой нижний этаж кажется мрачным. Этот куб забит пулами серверов высотой до потолка, аллеями проводов и емкостями с надписью «жидкий азот». Эдсон видит, как чья-то фигура движется среди

---

⁵⁹ Стиль бразильской музыки, представляющий своеобразную смесь кул-джаза с различными местными ритмами.

груды коробок, и успевает заметить красные волосы. Обе части грузовика соединены винтовой лестницей из поблескивающего синего пластика.

С дивана поднимается манерный и женоподобный парень с небрежно растрепанными волосами, каких на гей-сленге называют словом «биша», в золотом костюме и блестящей рубашке. На ногах у него безукоризненно начищенные стилизованные пиратские сапоги.

– Это и есть та самая сумка? – Биша вертит ее в руках. – Я так и думал, что рано или поздно это произойдет, как только квантовые технологии подешевеют. Куда проще было бы выкинуть ее.

– Мой брат может на ней подзаработать.

Грузовик ускоряется. Ребята из службы безопасности поймали сигнал с архидов и преследуют их.

– Определенно мы можем почистить ее для вас. Это не самая новая модель. Фиа.

Можно влюбиться в кого-то из-за туфель. Это босоножки из крокодиловой кожи, на танкетке с ремешками. Они спускаются по винтовой лестнице. Затем показываются тонкие лодыжки, отличные, не слишком полные икры, штанины узких капри с декоративным швом на боку и белым узором, поднимавшимся к ремню из такой же крокодиловой кожи. Брюки – часть черного комбинезона в стиле ретро с подплечниками и

молниями на груди. Все эти детали мелькают перед обостренным зрением Эдсона. Затем появляется голова. Скулы и нос японки в третьем поколении, а глаза она сделала, получились круглые, как у олененка или героинь анимэ. Ее волосы обладают той сверхшелковой прямизной, какую имеют в своих ДНК только японцы. Они начесаны так сильно, что их можно померить строительным уровнем. В этом году в моде снова рыжий. На пышную прическу девушка водрузила люксовые айшэды «Блю Манн».

– Хорошая сумка, – комментирует она.

Эдсон открывает рот, но оттуда не вырывается ни звука. Это не любовь. Даже не похоть. Самое близкое ощущение, которое Эдсон может опознать, – он очарован. Если бы в его теле имелась хоть одна религиозная клетка, то он, наверное, понял бы, что испытывает благоговение в исконном смысле слова. Она пленяет его. Она воплощает все, чем и кем он хотел бы быть. Он хочет лететь по орбите под действием ее тяготения, кружить вокруг ее потрясающего мира, потрясающей одежды, потрясающих друзей и потрясающих мест, куда надо отправиться, быть там и видеть. Она – воплощение бразильского духа жейту, и на ее фоне Эдсон выглядит как чернь из фавелы. Это нормально. Он такой и есть, если сравнивать с ней.

– Они в двух минутах, – ворчит Биша.

– Дашь мне сумку? – спрашивает японка.

– А можно мне взглянуть? – решается Эдсон.

– Там не на что смотреть. Разочаруешься, – отвечает она.

– Не думаю. Хотелось бы посмотреть.

– Посмотришь.

– Около полутора минут, – предупреждает Биша. Герсон пьет кафезинью⁶⁰.

Девушка позволяет Эдсону отнести сумку наверх.

– Фиа? Фиа, а дальше как?

Среди всех этих устройств с трудом хватает места для двух вращающихся стульев. Кабеля внутри пластикового куба хватило бы, чтобы сплести висячий мост.

– Кисида, – говорит девушка быстро, ставя ударение по-японски, хотя произношение у нее как у жительницы Сан-Паулу.

Она ставит сумочку от Джиорелли на белый пластиковый поднос под целым набором микроманипуляторов. Опускает айшэды. Руки танцуют в воздухе, а роботоманипуляторы исполняют гавот над сумкой в поисках чипа. Эдсон видит призраков и схемы, которые в увеличенном виде трепещут на айшэдах Фии.

– Я знаю эту мелодию. Мне она нравится. Ты любишь байле? – спрашивает Эдсон, играя мускулами в

---

⁶⁰ Крепкий бразильский вариант эспрессо.

такт. – В эту пятницу будет гафиейра⁶¹. Там будет играть сет мой клиент.

– Ты не мог бы заткнуться на тридцать секунд, пока я пытаюсь работать?

Руки находят то, что нужно. На очках Фии появляются иконки: ее зрачки теперь танцуют по экрану, отдавая команды. Эдсон осознает, что его внимание приковано к какому-то светящемуся предмету под стеклянной поверхностью рабочего стола. Он поднимает руки по обе стороны от головы и прижимает лицо к поверхности. Стекло достаточно прохладное, а потому от его дыхания образуются узоры. Далеко-далеко внизу – кажется, что дальше, чем позволяют габариты грузовика – под полом лаборатории, под комнатой отдыха, под колесами и поверхностью дороги, – виден какой-то переливающийся свет.

– Что это? – Эдсон опускает лоб, пока не касается им прохладного рабочего стола.

– Реальность, – объясняет Фиа. – Квантовые точки в суперпозиции. Свет – это фотоны флуктуации атома, которые просачиваются из параллельных состояний, где производятся вычисления.

– Ой, ты же физик, – говорит Эдсон и прикусывает язык. Неужели из-за таблетки эта мышца, кото-

---

⁶¹ Этим словом обозначается танцплощадка, дискотека, кроме того, так называется популярный в Бразилии стиль клубной самбы.

рая раньше никогда его не подводила, теперь болтает только глупости? Девушка смотрит на него так, будто на ее рабочий стол откуда-то свалился кусок говна. Она тянет руку мимо Эдсона, жмет на какую-то кнопку. Датчики смещаются буквально на толщину волоса, а потом останавливаются.

– Окей, готово. Безопасно и анонимно.

– Так быстро?

– Я же говорила, что ты будешь разочарован.

– Но ведь ничего не произошло.

– Вообще-то я пробежалась по комбинациям десяти в восьмисотой степени вселенных. Не совсем уж «ничего».

– Конечно, – неуверенно соглашается Эдсон.

– Ответ всегда где-то есть.

Эдсон кое-что слышал об этом – он считает своим делом знать понемногу обо всем, что занимает соседние ниши теневой экономики, – а сейчас еще и увидел, чего можно достичь таким образом, но все равно случившееся кажется ему колдовством. Квантовые точки в супер-какой-то-там-позиции. Десять в восьмисотой степени вселенных. Это не реальность. Реальность – это ребята из «Бруклин Бандейра», которые едут к себе в офис, потеряв след добычи, как только исчерпали свой бюджет. Реальность заключается в том, что людям хватает глупости платить три тысячи

реалов за какую-то вшивую сумочку, а другим хватает глупости украсть ее. Реальность – это необходимость заполучить это строгое, но притягательное существо.

– Раз ты так говоришь, – уступает Эдсон. Если Фиа думает, что он ничего не понимает, то стоит обратить это в свою пользу. – Но ты могла бы объяснить мне все за обедом.

– Предпочитаю, чтобы ты просто заплатил мне сейчас.

Внизу он швыряет сумку Герсону, пока Биша печатает счет. Эдсона отвлекает какое-то движение наверху среди квантовых компьютеров. Невозможно. Никто не мог подняться мимо них по неоновой лестнице. Но мистер Смайлс ведь предупреждал, что вокруг этих ребят творится странная херня.

– Лучше наличкой, – говорит Биша. Но, какой бы вариант оплаты он ни предпочел, таких денег у Эдсона нет.

– Не стоит становиться нашими должниками, – предупреждает Металлист. Денежное чутье Эдсона подсказывает, что именно он финансирует всю операцию.

– Я возьму сумку, – говорит Фиа.

Эдсон забирает сумку у брата.

– Так что гафиейра? – еще раз рискует предложить он, когда грузовик останавливается в безопасном месте, и створка поднимается. – Гараж Жозе, Си-

даде-де-Лус.

– Отвянь, – говорит Фиа-квантумейра, но Эдсон видит, что в глубине души, на квантовом уровне, она – настоящая королева байле.

19 июня 1732 года

Мул потерял голову на мощеном пирсе Сиде-де-Байша⁶². Безумие охватило его мгновенно, вот только что он упорно тащил нагруженную тележку с твердостью, свойственной ему и его собратьям, а в следующую минуту уже пятился назад, прижав уши, обнажив зубы и подняв рев. Мул вырывал уздечку из рук босоногого раба, который управлял им в полудреме, настолько флегматичным было спокойствие животного, перегоняя с энженью⁶³ в док, где низкие медлительные галеоны покачивались на волнах Тодуз-ус-Сантус⁶⁴, груженные сахаром и золотом Вила-Рика⁶⁵.

---

⁶² «Нижний город», район Салвадора, который стал передовой линией обороны всей Баии и местом жительства низших сословий и простолюдинов, именно в Нижнем городе находились многочисленные рынки и торговые ряды, доки, казармы и портовые сооружения.

⁶³ Фабрика по производству сахара вместе со всей территорией, включая плантацию сахарного тростника.

⁶⁴ Бухта в штате Баия, одна из крупнейших в Бразилии.

⁶⁵ Ныне город Вила-Рика (Богатый город) носит название Оуру-Прету. В XVIII веке, во времена «золотой лихорадки», сюда устремились тысячи золотоискателей.

Раб бросился ловить уздечку, но животное отпрянуло от руки и закатило глаза. Мул ревел и лягался. Тележка раскачивалась, роняя белые сахарные подушки на мостовую. Портовые шлюшки, которые ожидали прибытия в бухту Салвадора португальского корабля королевского флота «Кристу Реден-тор»⁶⁶, побежали прочь с криками и проклятиями. Из здания таможи высыпали солдаты в красных камзолах императорской пехоты под командованием лейтенанта со шпагой. Мул скакал и метался, раб танцевал вокруг него, пытаясь ухватиться за уздечку, но рев уже разнесся по всей гавани. «Бешенство, бешенство».

– Помогите! – крикнул раб.

Копыто ударило извозчика по касательной, он покачнулся, из разбитого рта пошла кровь. Мул брыкался и метался, пытаясь освободиться от тяжелой тележки. Из его пасти шла желтая пена. Грудь животного тяжело вздымалась, а шкура взмокла от пота. Верещали и визжали дамы в головных платках и в юбках с кучей подъюбников. Рабы перестали толкать дрезины, их хозяева и хозяйки окружили обезумевшего мула, раскинув руки. Солдаты сняли с плеча мушкеты. Мул с выпученными глазами снова встал на дыбы и понесся во весь опор вдоль пристани. Люди бросились врассыпную.

---

⁶⁶ «Христос Искупитель».

– Там священник! Ради Бога! Святой отец! – закричал лейтенант.

Отец Льюис Квинн, наблюдавший за тем, как выгружали небольшой сундук с его пожитками с «Кристу Редентора», поднял голову. Мул и болтающаяся из стороны в сторону тележка летели прямо на него, как огненная колесница из легенд о Фиане⁶⁷. Священник вскинул руки. Он был довольно крупным мужчиной и казался еще крупнее в простой черной сутане своего ордена – осколком ночи посреди белого дня. Мул подпрыгнул, приземлился на все четыре ноги и остановился как вкопанный, повесив голову.

Все матросы, офицеры, солдаты, рабы и шлюхи в небольших лодках замерли, уставившись на Льюиса Квинна. Он медленно опустил руки и подошел к подергивающемуся взмыленному животному, тихонько приговаривая все те команды для лошадей, какие знал на двух родных языках, португальском и ирландском.

– Святой отец, не советую вам приближаться к этому созданию, – крикнул лейтенант, чье бледное европейское лицо выделялось среди кабокло⁶⁸. – Мы его

---

⁶⁷ Имеется в виду «Фиана Эйринн», как называли небольшую полунезависимую дружину воинов, в которую входил Финн Маккул и его соратники, легендарные герои кельтской мифологии.

⁶⁸ Этническая группа в составе бразильцев, – португало-индейские

пристрелим, а труп сожжем, чтобы бешенство не распространилось.

– Тихо, тихо, – приговаривал Квинн, потянувшись за привязью.

Он видел, как пехота выстраивается в ряд и прицеливается. Его пальцы сомкнулись вокруг веревки. С воплем, скорее напоминающим человеческий, чем крик животного, мул отпрянул, брыкнув подкованными копытами. Льюис увернулся от убийственного удара, и тут мул прыгнул. Казалось, на миг животное зависло в воздухе, а потом оно само и его тележка нырнули в зеленые воды залива. Лодки со шлюхами миготом отплыли в сторону. Священник видел, как мул пытается высунуть голову из воды, в его взгляде читалось безумие, он осознавал неминуемую кончину, а пена из пасти теперь окрасилась кровью. Тяжелая поклажа тянула вниз. Квинн видел, как колени взбивают воду, а потом животное исчезло. Пустые мешки из-под сахара всплывали один за другим по мере того, как их содержимое таяло, словно белые водяные цветы, которые распускаются по ночам.

– Ах, бедняжка.

Это было всего лишь животное, но, тем не менее, отец Льюис Квинн шепотом прочел молитву, а лейтенант, подоспевший к священнику, перекрестился.

– С вами все хорошо, святой отец?

– Я не пострадал.

Квинн заметил, что все собравшиеся на пристани: солдаты, рабы и даже проститутки, – повторили жест лейтенанта. Он не сомневался, что дело не только во внезапном приступе смертельного бешенства, но и в его одеянии. Подобное он наблюдал и во время медленного, спокойного, омраченного лишь цингой путешествия «Кристу Редентора» от устья реки Тежу⁶⁹: бормотание, чертыханья, заклинания и молитвы. Священник, черный иезуит на борту. Удачи кораблю не будет.

– Да, я слышал о бешенстве.

– Сначала с ума сходят лошади, а потом и все остальные вьючные животные. Храни нас Господь от напасти.

Лейтенант сделал знак одному из своих солдат отнести сундук священника. Пока молодой офицер провозжал его до здания таможни, Квинн во все глаза осматривал место, где только что высадился на берег. Он сразу заметил, что тут не было ни одного человека на лошади. Вообще никаких животных на широкой набережной под отвесной скалой, на которой стоял Си-

---

⁶⁹ Крупнейшая река на Пиренейском полуострове, в Испании носит название Тахо.

даде-Альта⁷⁰, и на крутой ладейре⁷¹, что поднималась по склону между верхним и нижним Салвадором. Этот город приводили в движение лишь человеческие руки. По мощеным дорожкам и набережным сновали рабы, толкавшие груженные тележки по железным рельсам, согнувшиеся под тяжестью поклажи, висевшей у них на спинах на перекинутых крест-накрест ляжках, аккуратно пробирающиеся с носилками среди толпы черных и красных тел и тучных белых мешков с сахаром.

– Как и со всеми бедствиями, земля полнится слухами, – продолжал лейтенант. Солдат, потрепанный мамелуку⁷² в сюртуке от униформы и в свободных парусиновых брюках, босой, как раб, следовал в шести шагах позади них. – Бешенство приходит от индейцев из самого сердца леса, это работа голландцев или испанцев, наказание Господне. Не позднее чем на прошлой неделе ангелов видели в Пелори-нью⁷³. Они дрались огромными мечами из света три ночи кряду. И это могут подтвердить лучшие жители Салвадора.

– Мы о таком и не слышали в Коимбре.

---

⁷⁰ Верхний город.

⁷¹ «Лестница», – так называют переулки внутри фавелы, которые напоминают уступами лестницу.

⁷² Метис, помесь белого человека с индийцем в Бразилии. В русском языке иногда фигурирует искаженный вариант «мамелуко».

⁷³ Название района в Салвадоре.

– Многие, что происходит в Бразилии, не достигает ушей Португалии. – Лейтенант остановился рядом с оживленным портиком таможни. – Ох, как я и боялся! Так всегда бывает, когда прибытие корабля совпадает с отплытием судов, перевозящих сахар. Сейчас в таможне беспросветная толчея. Не думаю, что вы сможете освободиться раньше, чем через несколько часов. Как офицер короны я имею право утвердить ваше разрешение на въезд в колонию.

– За небольшое вознаграждение, как я понимаю, – сказал Квинн.

– Всего лишь пустяковая пошлина.

– Я нахожусь в непосредственном подчинении архиепископа Бразилии, – Льюис говорил с легким акцентом. Владея сразу несколькими языками и будучи эрудированным человеком, он отлично понимал все те преимущества, которые придавал ему налет таинственности. Крупный мужчина с руками, похожими на лопаты, он беседовал не повышая голоса, как и положено людям его сложения.

– Конечно, святой отец, но в Бразилии все по-другому. Вы увидите: здесь редко что-то происходит без поощрения.

В Бразилии все по-другому. Сколько раз ему говорили эти слова все, начиная с отца Джеймса, его духовного наставника, когда тот поручал ему трудней-

шее задание, и заканчивая этим дерзким юнцом в парике и треуголке, украшенной перьями.

– Не думаю, что человеку в моем одеянии подобает пролезать вперед на глазах у всех. Нет, я подожду своей очереди в таможне, лейтенант. Когда Господь создал время, то он создал его в изобилии.

Офицер поклонился с кислой миной. Он увел с собой и своего носильщика.

«Я прошу дать мне самое трудное задание». В кабинетах и библиотеках коллегии Коимбры⁷⁴ просьба Квинна, которую он ежегодно озвучивал в день покровителя родной Ирландии своему духовному наставнику, была полна рвения и честности. Свечи и аскетичное убранство лишь еще больше его притворство. Каждый год в течение пяти лет он получал один и тот же ответ: «Как только потребуется». В этом году отец Джеймс, преподававший математику миссионерам, отправлявшимся в Китай, где к этой науке относились с особым восторгом, велел зайти к нему после вечернего богослужения.

– Бразилия?

– Бразилия. Где к берегу прибились все грехи человечества. Запрос из коллегии в Салвадоре. Насто-

---

⁷⁴ Речь об иезуитской коллегии (закрытом среднем учебном заведении).

ятелю требуется адмонитор⁷⁵.

– Для каких целей?

– Наш настоятель говорит лишь, что ему требуется адмонитор не из колонии. – Затем отец Джеймс косо усмехнулся. – Мне кажется, это предполагает трудное задание.

Образ отца Джеймса вновь встал перед мысленным взором Квинна: низенького и неразговорчивого уроженца Ольстера со свойственными этой местности акцентом и юмором. Так же, как и он сам, отец Джеймс бежал от уголовного преследования и судоходными маршрутами попал в Португалию.

Льюис Квинн поднял небольшой сундучок и присоединился к шумной толпе под сводами портика. Корабль казался тюрьмой, но мир за его пределами был чересчур велик: горизонт слишком близко, небо слишком далеко, цвета слишком яркие, а люди – крикливые и шумные. Матросы и капитаны, фейторы² и помещики расступились перед ним, дотрагиваясь до своих медальонов, склоняя головы: идите, святой отец, после вас, святой отец.

После бесконечной череды вопросов, проверок, пе-

---

⁷⁵ Адмонитор (лат. admonitor – напоминающий) – должность в ордене иезуитов. Задачей адмонитора является наблюдение за настоятелем и вынесение ему замечаний относительно его личных качеств и методов управления.

чатей таможни настало время найти носильщика. Они сидели на корточках вокруг своего фейтора, тучного кабокло в порванных чулках и в туфлях на высоких каблуках.

– Отец, отец! Перевозка! Перевозка! – Раб был индейцем с согнутой спиной и кривыми ногами, но мышцы его казались железными обручами. На плечах были надеты лямки, болтавшиеся ниже лопаток, а на шее висели стремяна. Раб присел на мостовую рядом с потертой деревянной приступочкой, какие использовали для посадки на лошадь.

– Вставай! Вставай! – воскликнул Квинн на языке тупи⁷⁶. – Это упряжь для лошади.

– Да-да! Я лошадь, ваша лошадь, – ответил раб по-португальски, устало глядя на своего хозяина. – Всякая лошадь мертвая или сумасшедшая, сумасшедшая или мертвая. А я сильный, ваше святейшество.

– Вставай! Вставай! – скомандовал Льюис на тупи. – Я не позволю человеку быть моим вьючным животным. – Он обратился к фейтору, побледневшему при виде праведного гнева на изможденном лице священника: – Что ты за подлое расточительное создание?! Слушай, сколько будет стоить, если твой чело-

---

⁷⁶ Язык племен тупи, населявших побережье Бразилии на момент появления португальцев в современной Бразилии. Другое название лингва-жерал (букв. «обобщенный язык»).

век проводит меня в иезуитскую коллегию?

Кабокло назвал сумму, и несмотря на то что щеки Квинна все еще пахли морем, он понял, что цена завышена в разы. Он представил, как огромным кулаком бьет прямо в центр круглой морды неопрятного толстяка. Воздух задрожал в его легких, но Квинн переборол гнев. Бросил на землю пригоршню медяков. Кабокло кинулся собирать их. Раб попытался поднять сундук Льюиса.

– Оставь! Мне нужно лишь, чтоб ты проводил меня.

Носильщики, каждый с пассажиром на спине, трусой пробежали мимо, пока священник с трудом тащился вверх по каменным ступеням зигзагообразной ладейры. Группа матросов с «Кристу Редентора» устроила настоящие скачки, пришпоривая своих «скакунов» каблуками и тыкая им в задницы ножами, чтобы бежали быстрее. Проносясь мимо, они здоровались с отцом Квинном. Теперь, на суше, они вели себя приветливо со служителем Господа.

– Животные! – в бешенстве закричал он. – Зверье, едущее на спинах людей! Ну-ка, слезайте!

Пристыженные и в равной мере напуганные праведным гневом столь крупного мужчины, матросы послушно соскользнули со спин рабов. Пока Квинн медленно поднимался в гору мимо носильщиков в белом с носилками, обернутыми защитной сеткой, наездни-

ки слезли с утомленных «рабочих лошадок» и тащились вместе с отцом Квинном по жаре. Он слышал шепот: черный священник, пылкий Виейра⁷⁷ вернулся.

Перед ступенями иезуитской базилики Льюис поставил свою небольшую сумку и вытащил из кармана сутаны деревянный цилиндр, закругленный с одного конца, а с другого закупоренный пробкой. Вынув ее, он достал сигару, быстро провел ею под носом. Первая сигара после Мадейры. Квинн протянул ее рабу:

– Это тебе по силам. Найди мне огоньку.

Раб забрал сигару, поклонился и поспешил через оживленную площадь. Льюис заметил, что носильщик передвигается как краб, – так работа его изуродовала. От частного к общему, от единичного к универсальному. Рабовладельческое общество. Здесь о том, что имеют в виду, никогда не говорят вслух, а слова имеют другой смысл. Секреты, тонкости, увертки – не нужно ожидать прямоты или открытости в Новом Свете. Правда будет, должна быть, но никто не скажет ее прямо. Это как корабль, где обиды и привязанности одинаково скрываются, на них лишь намекают определенные сигналы и ритуалы таким образом, что каждое слово, помимо своего привычного значения,

---

⁷⁷ Антониу Виейра (1608–1697) – португальский и бразильский миссионер-иезуит, считавшийся одним из самых выдающихся миссионеров-проповедников своего времени.

может означать что-то совершенно противоположное, и смысл его зависит от множества едва различимых намеков. Насущный хлеб для лингвиста, изучавшего лингва-жерал на том конце океана, или даже для священника, поднаторевшего в хитростях людских душ.

Лица черные, коричневые, кофейные. Немного белых. Нет женщин, если не считать нескольких рабынь, чьи волосы скрыты под платками. Но белых женщин, португалок, нигде не видно. Затем Квинн уловил еле заметное движение за резной деревянной решеткой окна на верхнем этаже, тень в тени. Хозяйки заперты в своих огромных домах, занавешены в паланкинах и менее свободны, чем их рабы. Мужской мир улиц и женский мир домов. Каза и руа. Жизнь дома и на людях. Сокровенное и общественное.

Раб вернулся, в его руке дымилась сигара. С чистым восторгом, который даровал Господь, Льюис затянулся и ощутил, как густой пряный дым клубится внутри его тела.

Повторяющееся «аллилуйя» отражалось эхом от множества труб и псалтерионов⁷⁸, а их звуки цеплялись и громоздились на балках крыши. Квинн шел позади хоров. Песнопение в конце богослужения было

---

⁷⁸ Старинный струнный инструмент наподобие цитры.

ему в новинку, а под аккомпанемент виол, теорб⁷⁹ и барабана казалось и вовсе почти языческим для европейского слуха, но при этом равномерный ритм напоминал танцевальные мотивы из детства, арфистов и флейтистов у камина в зале, чьи пальцы ярко освещало пламя. Мотивы были духовные и в то же время мирские. Так же, как и это безумство рококо: хозяева подняты на согбенных телах рабов, чтобы обратить свои сердца, руки и лица к святым. А Господь, Христос, Дух Божий, нисходящий в виде голубя? Притаился испуганно среди всех этих полковников и дарополучателей, фейторов и помещиков в окружении толпы жен, детей и богатств: вырезанные и нарисованные картины – негритянские рабы на рубке тростника, корабли, гордые знамена бандейрантов⁸⁰, домашний скот, рабы, скованные друг с другом цепью из чистого золота, продетой через мочки ушей. Свежие панно устанавливали, а старые дорабатывали, добавляя новые победы поселенцев. Западная часть церкви стояла в бамбуковых лесах, закрытых грубой тканью.

– Я заметил, что вас глубоко тронуло исполнение «Аве». – Настоятель Жуан Алвеш де Магальяйнш

---

⁷⁹ Струнный щипковый инструмент, басовая разновидность лютни.

⁸⁰ Бандейранты (порт. *bandeirantes*, «знаменосцы») – участники масштабных экспедиций (бандейрас) XVI–XVIII веков на удаленные от побережья территории португальских колоний в Америке.

снял столу⁸¹ и прижал вскользь к губам прежде, чем отдать служке, мальчику с жирной кожей, сыну фейтора, входившего в элитный мирянский орден. – Вы из тех, на кого сильно воздействует музыка?

– Я считаю музыку отражением божественного совершенства, – Льюис поднял руки, чтобы слуги сняли кружевной стихарь⁸². – В этом отношении она во многом напоминает математику. Как и цифры, музыка – это вещь в себе, не представляющая никакую реальность.

– Тем не менее физические движения объектов и сам процесс навигации корабля, на котором вы были, описаны в математике самым точным образом.

Мальчики-служки унесли тяжелую, расшитую мантию отца де Магальяйнша к прессу в виде веера. В Коимбре подобную показную роскошь сочли бы претенциозностью и даже суетностью. Сдержанные черный и белый цвета – вот униформа, которая нужна воинам Христовым.

– Или же все эти физические эффекты суть примитивные проявления скрывающейся за ними матема-

---

⁸¹ Элемент облачения католических священников – длинная полоса материи, надеваемая на плечи, причем оба конца висят спереди.

⁸² Элемент литургического облачения в католицизме. Это облачение из белой ткани, доходящее до середины бедра, может быть украшено кружевами.

тической истины?

– Ха! Коимбра прислала мне последователя Платона! – Отец де Магальяйнш рассмеялся. – Но я рад, что вам понравился хор. Литургические произведения нашего местре де капелла⁸³ исполняются вплоть до Потоси⁸⁴. Он учился у покойного Циполи⁸⁵ в миссии в Паране. Потрясающе, не правда ли? Это сочетание голосов индейцев для высоких нот и теноров с басами в исполнении негров. Сверхъестественное звучание. – Он вымыл руки водой из большого кувшина, и слуга-индеец промокнул их насухо. Отец де Магальяйнш хлопнул Квинна по спине. – А теперь выпьем по чашечке кофе во дворе клуатра⁸⁶ перед ужином, пока я вам рассказываю, что к чему.

Садик позади коллегии, окруженный стеной, возвращал вечеру тепло прошедшего дня. Воздух был густым от странно бодрящей влажности и мускусных запахов, исходявших от растений с пышной листвой. Птицы и летучие мыши порхали в сумерках. «По какому такому божественному закону, – размышлял

---

⁸³ Капельмейстер, руководитель хоровой капеллы.

⁸⁴ Департамент в Боливии.

⁸⁵ Доменико Циполи (1688–1726) – итальянский композитор эпохи барокко, вступил в орден иезуитов и отправился в Аргентину в составе духовной миссии, где на протяжении нескольких лет занимал пост музыкального руководителя местной иезуитской церкви.

⁸⁶ Монастырский двор, окруженный галереей.

Квинн, – там, где перья птиц имеют самую фантастическую окраску и причудливую форму, поют они просто оскорбительно для слуха, а дома скромные дрозды потрясают до глубины души?» Пока служка подавал кофе, небо сменило цвет с аквамаринового с пурпурными полосами на индиго с россыпью звезд. На корабле быстрые тропические закаты были хорошо видны за счет ширины горизонта, а в этом замкнутом и уединенном пространстве ночь, казалось, накрыла их, будто флаг. Служка зажег фонари. Его лицо было неестественно красиво. Отец де Магальяйнш сделал ему знак рукой уйти, затем насыпал в кофе две ложки сахара, отпил немного, поморщился и прикоснулся к челюсти.

– Иногда мне кажется, что Господу не нужно никакого другого ада, кроме бесконечной зубной боли. Скажите, отец Квинн, что вы думаете об этой стране?

– Святой отец, я ступил на землю Бразилии только сегодня днем. Вряд ли я могу иметь какое-то мнение.

– Можно пробыть в каком-то месте пять минут и уже получить право на свое мнение. Начните с рассказа о том, что вы видели.

С самого детства Льюис умел запоминать сцены из жизни и затем мысленно проигрывать их, воспроизводя силой зрительной памяти мельчайшие детали – цвет платья, расположение бутылки на столе, птицу

на дереве. Сейчас он покинул тихий и пышный сад и прокрутил в обратном порядке короткую прогулку от коллегии через Соборную площадь вниз по переполненной лайдере в порт, а оттуда вдоль пристани на корабль. На каждом повороте его преследовал один образ – морда мула с дикими глазами, пускавшего пузыри из носа и тонувшего в зеленых водах залива.

– Я видел, как обезумевший мул утопился в порту, – коротко сказал он.

– Чума, да. Безумие охватывает животных внезапно, как приступ колик, если они не упадут замертво от бега, то начинают крушить все и вся, поэтому необходимо уничтожать их на месте.

– Это всеобщая эпидемия?

– Похоже на то. Она уже перекинулась на скот. Вы уже слышали последние фантастические рассказы, связанные с чумой? Про сражающихся ангелов?

– Да, а еще я видел людей в лошадиной упряжи. Думаю, это тоже как-то связано.

– В письме из Коимбры говорилось, что вы очень наблюдательный человек, отец Льюис. Я слышал, что кто-то вызвал волнения на ладейре. Разумеется, со времен отца Антониу Виейра мы придерживаемся неизменной позиции касательно рабства. Однако с недавних пор это довольно трудно.

Квинн отхлебнул кофе, быстро достигая равнове-

сия с окружающей средой. Безжалостный климат – темнота ночи не приносит облегчения. Сигара была бы к месту. После месяцев вынужденного целомудрия на борту жажда дыма вернулась, удвоившись. Начало зависимости или недисциплинированности?

– Я не совсем понимаю, о чем вы, святой отец.

– Иезуитский орден недолголюбивают в Бразилии. Нас считают назойливыми идеалистами. Мы нарушаем природный порядок рас: белые, черные, красные. Да, мы все еще вхожи в Конселью Ултрамарино⁸⁷, но Сильва Нунес⁸⁸ продолжает атаки в самом сердце вице-королевства, и общество в целом, особенно те, у кого есть собственность, не доверяют нам. Вскоре будет новый договор между Португалией и Испанией – раздел Бразилии. Граница по Амазонке останется португальской практически по умолчанию. Когда это произойдет, то разрушение наших редуций⁸⁹ в долине Параны покажется детским лепетом по сравнению

---

⁸⁷ Заморский совет (порт.) – административный орган, существовавший с 1642 по 1833 г.

⁸⁸ Педро да Сильва Нунес – извечный враг иезуитов и ярый борец с бюрократией, буквально заваливший португальский суд петициями с призывами реформировать систему администрирования.

⁸⁹ Иезуитские редуции – часть общей стратегии католической церкви XVII–XVIII веков по созданию резерваций (исп. *reducciones de Indios*) для христианизации коренного населения Нового Света.

с тем, что энтрадас⁹⁰ ждет в амазонских деревнях. Наши враги уже ищут доказательства против нас.

– У них есть повод?

– Есть. Отец Квинн, во имя Господа нашего Иисуса Христа, я поручаю вам миссию: поспешите на корабле в Белен-ду-Пара, а потом по Амазонке в Сан-Жозе-Тарумаш на Риу-Негру⁹¹, где, будучи ад-монитором, найдите отца Диегу Гонсалвеша и призовите его вернуться к порядкам ордена.

– А в чем природа проступка отца Диегу?

– Боюсь, что излишнее рвение священника ввело его в большой грех. Скажите, отец Льюис, с тех пор как вы высадились на берег, многие ли говорили вам, что в Бразилии все совсем по-другому?

– Всего лишь пара десятков человек, как мне кажется. И еще множество раз на корабле.

– Что ж, не стану присоединяться к ним, но скажу, что на Риу-Негру все совсем по-другому, чем в остальной Бразилии. За пределами Сан-Жозе-Тарумаша местные не признают ни веры, ни закона, ни королевской власти. Но там есть отец Диегу Гонсалвеш. Донесений мало, и они приходят редко, а в тех, что есть, больше вымысла, чем правды: чудовищное

---

⁹⁰ Экспедиции за индейцами вглубь страны, меньшие по масштабу, чем бандейрас.

⁹¹ Крупнейший левый приток Амазонки.

тщеславие, ради которого трудятся целые деревни, настоящая империя, которая претендует во имя Господа и Ордена на тысячу миль вдоль Риу-Не-гру. Нива Господня там плодородна и готова к тому, чтобы ее возделали, но, судя по донесениям, отец Диегу пожирает не только души краснокожих.

Льюис сказал:

– Мне известно, что даже такая мелочь, как упавшее распятие, может стать причиной Справедливой Войны против аборигенов. Мне казалось, таким злоупотребляют только францисканцы.

– Если грешная душа отца Диегу Гонсалвеша и впрямь попала в сети тщеславия и варварства – я молю Иисуса и Богородицу, чтобы это было не так, – вы обязаны немедленно принять меры. Слухи не должны доползти до Реконсаву, это может стать тем самым клином, который так нужен нашим врагам, чтобы уничтожить Орден. Я набросал черновики писем, которые наделяют вас всей полнотой власти. Важно, чтобы вы понимали, о чем я, святой отец. Всей полнотой власти адмонитора.

– Отец, но вы же не можете...

Внезапно в стене цвета индиго на фоне такой же ночи цвета индиго образовался желтый прямоугольник. Там показалась чья-то тень, которая пролилась на мощеный двор, а потом обрела лицо.

– Святые отцы, к вам посетитель за наставлениями.

Первая тень уступила место второй, более высокой и сложной за счет шляпы, парика, сюртука и шпаги. Настоятель де Магальяйнш тихо произнес:

– Если Господу ничего не нужно от вас, то свои проценты требует кесарь.

Квинн почувствовал запах духов и пота посетителя, первый чуть маскировал второй, заметил важный вид и легкую сутулость и распознал в пришедшем правительственного чиновника раньше, чем высокое неподвижное пламя фонарей осветило его лицо. Гость поклонился, чуть отставив ногу назад.

– К вашим услугам, святые отцы. Жозе Бонафасиу да Нобрега. Представляю Его Высокопревосходительство вице-короля. Не нужно представляться. Отец Квинн, разумеется, мне сообщили о вашем прибытии в Салвадор. Высокопоставленное церковное лицо всегда привлекает наше внимание.

Он поднял фалды сюртука, поправил шпагу и уселся за стол, скрестив ноги в лодыжках.

– Орден иезуитов, по крайней мере в этой стране, давно пользуется благосклонностью короны. Вы являетесь духовниками вице-королей и фидалгу⁹². Од-

---

⁹² Человек, происходящий из благородной семьи и получающий свой особый статус по наследству, португальский аналог испанского «идальго».

нако Третий орден святого Франциска⁹³ заручился поддержкой капитанов и помещиков, как видно по убранству их церквей. – Он придержал шпагу за эфес с чашкой, пока подергивался, смеясь собственной шутке.

Квинн подумал: «Вы носите свои манеры и скучную умудренность так же, как свой красивый сюртук и аккуратную шляпу, но вы всего лишь курьер, мальчик на побегушках. Я видел с дюжину таких в Порту, английских шпионов, которым дано задание вынюхивать иезуитов, чтобы тайно перевезти обратно в Ирландию».

Отец де Магальяйнш поднял руку, чтобы принесли свежий кофе. Нобрега отмахнулся:

– Не нужно кофе, пожалуйста, святой отец. Мне потом не уснуть. Вечером я предпочитаю вот это.

Он вытащил плоскую серебряную коробочку из рукава и поставил на стол. Внутри были шарики, скрученные из листьев, каждый размером с кончик мизинца. Не отрывая взгляда от Квинна, Нобрега достал с ловкостью фокусника из платка два лайма, разрезал на четвертинки карманным ножом и выдавил одну из них на три шарика, один изящно положил на язык, второй предложил отцу де Магальяйншу на серебряной

---

⁹³ Третий орден св. Франциска (т. н. терциарии) – учрежден св. Франциском около 1221 года.

крышечке, а третий – Льюису.

– Я не знаю, что это...

– О, это чудесная штука. Испанцы называют это ак-кулико⁹⁴, фейторы привозят его через Пантанал⁹⁵ из Каракаса. Без этого снадобья не смогли бы работать прииски в Куябе. Оно обостряет ум самым чудесным образом, увеличивает выносливость, наполняет тело и душу энергией и приятными ощущениями. Слишком хорошо для рабов.

– Кстати, отлично справляется с зубной болью, – добавил отец Магальяйнш. – Думаю, оно может способствовать и богопознанию во время всеобщих бдений и стояний.

– Увы, здесь климат совершенно неподходящий для выращивания этого растения, – посетовал Нобрега.

– Благодарю, но я лучше по старинке, по-европейски, – сказал Квинн, вытаскивая сигару. Служка дал ему прикурить. Квинн сделал глубокую затяжку, а потом медленно выпустил клубы дыма в звездное небо. – Сеньор Нобрега, а что вам от меня нужно?

– У вашего ордена блестящая научная репутация.

– Лично я лингвист по призванию, но в Коимбре широко изучаются математика и натурфилософия.

---

⁹⁴ Смесь листьев коки с известью и золой овощей.

⁹⁵ Обширная заболоченная тектоническая впадина в Бразилии.

– В городе Белен появился безумец, который намеревается измерить мир маятником. – Нобрега наклонился к Льюису Квинну, он был оживлен, глаза расширились.

– Думаю, это может быть связано с еретической английской теорией гравитации, – сказал Квинн, замечая, какое влияние аккумулято оказало на физическое и душевное состояние собеседника. – Орден преподает декартовскую теорию вихрей, которая целиком и полностью имеет физическое объяснение. Насколько я понимаю, английская теория чисто математическая.

– Как скажете, святой отец. Этот человек – сумасшедший ученый – Робер Фалькон, географ из Французской академии наук в Париже.

– Насколько я понимаю, Бразилия закрыта для иностранцев, за исключением членов уставных орденов. Таких как я, ведь я – английский подданный по рождению, а то и по склонностям.

– Его Высокопревосходительство считает присутствие Фалькона целесообразным. Он прибыл вместе со своим братом Жаном-Батистом, математиком-самоучкой, который несказанно гордится неким устройством, которое он изобрел, дабы механизировать ткацкое дело⁹⁶. Я бы сказал, что рабы существуют

---

⁹⁶ В 1728 году Жан-Батист Фалькон усовершенствовал ткацкий станок, сделав его практически программируемым.

именно для механического труда, так им есть что делать, но такова ваша французская мелкая интеллигенция. Жан-Батист вернулся на родину шесть недель назад из-за дизентерии, но Робер Фалькон остался. Он отчаянно соперничает со своими коллегами-академиками за то, чтобы точно измерить обхват земного шара. Такое впечатление, что, как и со всем остальным в современном мире, есть основательное разногласие по форме нашего земного шара, или же не совсем шара. У вас только-только соленая вода просохла за ушами, так что вы прекрасно знаете, насколько неточна морская навигация, а ведь Португалия – это морская и торговая держава. Мы получили сведения, что в Картахену отправляется конкурирующая экспедиция, которая собирается измерить земной шар с помощью вычислений и тригонометрии и которой Испания позволила въехать через свое вице-королевство в Перу. А доктор Фалькон торчит в Белен-ду-Пара уже пять месяцев.

– Сеньор, при всем уважении, а что требуется от меня?

Нобрега положил на язык вторую горошину аккумуляко. Эффект был почти мгновенным. Квинн подумал, что чиновник, наверное, пристрастился к этой стимулирующей траве.

– Для самых точных измерений доктору Фалькону

необходимо провести свой эксперимент на экваторе. Он выбрал точку в пяти сотнях миль от Сан-Жозе-Тарумаш на Риу-Негру как самую подходящую, там, по его словам, «континентальные влияния» находятся в равновесии.

– Понятно. Я могу поехать с ним.

– Сформулируем это иначе, святой отец. Он может поехать с вами. Гнев короны направлен на голландских пиратов и авантюристов, но слишком ярки еще воспоминания о Дюгэ-Труэне⁹⁷ и его пиратах, которые шастали по Рио, как бойцовые петухи. Настоятель уже посвятил вас в политическую ситуацию на Амазонке?

– Я так понимаю, сейчас все в состоянии пересмотра.

– Амбиции Франции уже давно простираются за пределы чумной дыры в Гвиане. Сомнительное отчуждение территории дало бы французам возможность присоединить все к северу от Амазонки и Солимоинс. Они укрепят деревни и дадут племенам в руки современное оружие раньше, чем мы доберемся до Белена.

---

⁹⁷ Речь о французском моряке Рене Дюге-Труэне (1673–1736) – во время войны за испанское наследство он командовал французской эскадрой, которой удалось победить в нескольких крупных сражениях. Наиболее удачным и известным из них является захват города Рио-де-Жанейро в 1711 году.

– Вы подозреваете, что доктор Фалькон – французский агент, – сказал Квинн.

– В Версале сгруппировали бы, не попросив его, – голос подал отец де Магальяйнш. – Я хочу лишь, чтобы вы следили и записывали. Я уже упомянул вашу наблюдательность, а если добавить способность к языкам...

– Меня избрали адмонитором или шпионом?

– Разумеется, мы трудимся к вящей славе Божией, – сказал де Магальяйнш.

– Конечно, святой отец, – Льюис склонил голову.

Снова свет упал на стол и ароматные кусты с жирными листьями: рабыни принесли корзины, чтобы подать ужин в прохладном клуатре. Свечи ожили, и на скатерть выставили серебряные блюда под крышками.

– Отлично! – воскликнул Нобрега, вскакивая с места и потирая руки. – Эти листья коки отличная штука, но от них чертовски хочется есть!

В ночном небе над головой Квинна торопливо захлопали крылья. Темные силуэты нырнули вниз, чтобы усесться на черепичном карнизе уединенного сада. На свету блеснули изогнутые крылья, круглые хитрые глаза и проворные когти. «Попугай, – подумал Квинн. – Самое трудное задание во славу Господа».

Богоматерь Спандекса

24 мая 2006 года

Марселина любила это еле заметное и такое точное мгновение, когда иголка вонзается в лицо. Серебряная, чистая иголка. Исцеляющее насилие, насилие, приносящее совершенство. Боли не было, вообще никогда и никакой, лишь ощущение нежного проникновения, словно комар, изысканно пивший кровь, точный инструмент человеческой технологии проскальзывал между грубыми тканями и клетками ее плоти. Марселина видела иголку лишь краем глаза, в непосредственной близости она казалась стеблем стального цветка. А рука в латексной перчатке была огромной, словно творящая длань Господа: Марселина наблюдала, как шприц проплывает по полю ее зрения, выискивая точку в опасной близости от незащищенного глазного яблока. Нежный укол. Обычно она закрывала глаза, когда пальцы надавливали на поршень. Ей хотелось ощутить, как яд проникает в плоть, представить, как он заставляет обрюзгшие, слабые, ленивые клетки биться в панике, как накатывают волны веществ, выработанных иммунной системой, когда тело осознает, что подверглось токсической атаке. За-

тем настаивал черед благословенного воспаления, когда морщинистая кожа опухала, превращаясь в гладкость, упругость, красоту и молодость.

Марселина Хоффман практически стала ботоксной наркоманкой.

Такая простая процедура, да и салон красоты в том же квартале, что и Четвертый канал. Марселина первой стала делать подтяжки лица прямо во время обеденного перерыва, а потом Лизандра присвоила себе идею для целого цикла передач. Шлюха.

Но радость начиналась еще в фойе, когда администратор Луэза в платье с высоким воротником приветствовала ее: «Добрый день, сеньора Хоффман». Там пахло химией красоты, ароматическими свечами, а вокруг были легкость и яркость панелей из матового стекла, деревянный пол, на стенах кремовые с белым гобелены, звучала музыка «ню-эйдж», которую Марселина во всех других местах презирала (дерьмо в стиле тропикализма)⁹⁸, но здесь музыка говорила ей: «Ты чудесная, ты особенная, ты укутана светом, вселенная любит тебя, нужно лишь протянуть руку и получить все, что пожелаешь».

---

⁹⁸ Тропикалия или тропикализм – музыкальное течение, возникшее в Бразилии и названное по аналогии с психоделией, которое представляет собой смесь традиционной бразильской музыки с психоделическим роком, фанком, джазом и авангардом.

Лежа с закрытыми глазами на кресле с откидывающейся спинкой, Марселина чувствовала, как разглаживаются «гусиные лапки», появившиеся из-за усталости на работе, ощущала юную и тонизирующую упругость кожи. Два года назад она побывала в Нью-Йорке на съемках «Секса в большом городе» и была поражена, что женщины-янки прихорашивались просто потому, что им так хочется, а не потому, как у кариока, что это их обязанность перед лицом города, где всегда готовы судить и критиковать. Чуждое кредо: туфли за тысячу долларов при отсутствии маникюра. Но вместе с пакетами из магазинов Марселина привезла себе одну мантру, озарение, украденное из рекламы косметики с Дженнифер Энистон. Именно эти слова Марселина шептала себе сейчас в святилище, пахнущем жасмином и ветивером, пока ботулотоксин распространялся сквозь кожу.

«Потому что я этого достойна».

* * *

– Ох, я обожаю Кубок мира.

Дона Бебел приходила два раза в неделю. По понедельникам – сухая уборка: вытереть пыль, пропылесосить, убрать вещи. По четвергам – влажная: ванная и туалет, мытье посуды и стирка белья, которое Мар-

селина разбрасывала по всей спальне так, что к вечеру среды пол уже не просматривался. Дона Бебел была пышной дамой неопределенного возраста в районе шестидесяти, она стягивала волосы в тугий пучок, от которого болела голова, и всегда носила леггинсы, мешковатые футболки и шлепки. Марселина ценила ее больше жемчугов, золота, кокаина и проектов.

– Милая, она приходит дважды в неделю, стирает твои мерзкие грязные трусы, и после ее ухода ничего не пропадает? – спросил Витор, престарелый гей, бывший участник передачи, которую продюсировала Марселина, где героям создавали новый имидж. Он жил через несколько улиц от ее дряхлого многоквартирного дома, повернувшегося задом к отвесным стенам морру. Старый и ревностный житель района Копы, Витор пил чай каждый вечер в одном и том же кафе в одно и то же время, чтобы посмотреть, как течет жизнь в его байру⁹⁹. Марселина считала еженедельные встречи за чаем с досе¹⁰⁰ и сплетнями частью большой альтернативной семьи, связанной с ней разной степенью благодарности или подхалимажа. – Сколько бы она ни просила, плати.

После череды тощих Марий, которые воровали все, что плохо лежит, словно это был дополнительный на-

---

⁹⁹ Район (порт.).

¹⁰⁰ Бразильские пирожные (порт.).

лог на социальное обеспечение, и загоняли стада пыльных клубков под кровать, Марселина без особого энтузиазма отнеслась к очередной уборщице из Морру-ду-Паван. Все решила цена – фавела, приткнувшаяся, как пуповина, на холмах за Арпоадором, была неисчерпаемым источником дешевой рабочей силы, от которой зависел Копа. После доны Бебел стекла сверкали как бриллианты, белье ослепляло белизной, а когда она узнала, чем Марселина зарабатывает на жизнь, то подкинула идею для передачи: «Вам надо снять передачу, в которой участники идут и убивают дома, пока хозяева на работе. Я бы такое смотрела. Нет ничего лучше, чем смотреть на чужой бардак».

В итоге в телешоу «Грязные свиньи» показали вопли, драки, разбитые камеры, разлады между закадычными друзьями, открытый конфликт детей и родителей, разрывы и разводы и как минимум одну стрельбу. Зрители смотрели сквозь пальцы, еле слышно бормоча: «О, нет, нет». Раймунду Сифуэнтис метал громы и молнии на странице с рецензиями в «Глобу», дескать, «настоящие грязные свиньи на Четвертом канале». Впервые телешоу Марселины обсуждали в офисах около кулеров.

Более трех лет лучшие свои идеи Марселина черпала от доны Бебел. Благодаря программе «Китчевые

мрази» Витор прославился, а его маленький магазинчик безупречного китча превратился в обязательное место посещения туристов, которое упоминали в журналах авиакомпаний. А все из-за комментария, который отпустила дона Бебел, развешивая белье на веревке в драгоценном садике на крыше, мол, она всегда определяла ориентацию клиентов, у которых убиралась, поскольку у геев в квартирах полно пластиковых игрушек из 1950-х.

Чувство вины и раскаяния были чужды Марселине, но она благородно клала часть своего бонуса в конверт с еженедельным жалованьем доны Бебел за каждый одобренный проект. Она никогда не спрашивала, что ее уборщица подумала, увидев воплощение своей ремарки на экране с высоким разрешением. Она даже не знала, смотрит ли дона Бебел Четвертый канал. Та находилась вне их целевой аудитории.

– Ооох, Кубок мира... – Белье Марселины крутилось в стиральной машине во Влажный Четверг. Квартира была вылизана, плитка на полу пахла хлоркой и сосной. – В баре «Гачинья» собираются установить большой экран. Буду смотреть все матчи. Думаю, в финале Бразилия сыграет с Италией. Даже ставку сделаю. В этот раз мы им покажем. Может, у них и лучшие защитники в Европе, но наш волшебный квад-

рат¹⁰¹ войдет в них как нож. Думаю, снять программу о Кубке мира – очень хорошая идея. Я бы посмотрела такую. Если нужно что-то спорное, то можно вспомнить про Роковой финал.

– Про что? – спросила Марселина, перекрикивая машину, работавшую на тысяче двухстах оборотах.

Дона Бебел впервые за все их знакомство реально удивилась:

– Вы хотите сказать, что не слышали о Роковом финале? Да у каждого истинного бразильца шестнадцатое июля 1950 года высечено в сердце. Это не просто футбольный матч. Это Хиросима. Я не преувеличиваю. После Рокового финала все поменялось.

– Расскажите мне, – попросила Марселина, усаживаясь на перевернутую корзину для белья.

– Что ж, я тогда была маленькой девочкой, и у нас не было телевизора, да ни у кого не было телевизора, но...

* * *

Это не история. Это легенда. Мы построили стадион «Маракана» к чемпионату мира по футболу 1950

---

¹⁰¹ Волшебным Квадратом или Бразильским Четырехугольником называли схему атаки сборной Бразилии (четыре игрока – Роналду, Адриану, Кака и Роналдинью).

года – тогда, да и сейчас тоже, это был крупнейший стадион в мире – и планировали перед двумя сотнями тысяч зрителей явить миру всю красоту и поэзию бразильского футбола. Война закончилась, новый мир восстал из пепла, и предстоял Чемпионат Мира Будущего в Стране Будущего. И была команда, столь же великая, как любая другая «Салесан»¹⁰², как и команда 1970 года, но их имена вы не найдете на пьедестале почета перед входом на стадион «Маракана». Тренер: Флавиу Коста. Игроки: Шикуну, Жаир да Роза Пинту, Адемир, Зизинью, Фриаса; Бигоде, Данилу, Бауэр; Жувенал, Аугусту, Барбоза. Пять нападающих, три защитника, два полузащитника. Прекрасно. Моасир Барбоза – вы еще много о нем услышите. В 1950 году система отличалась от нынешней, играли в группах вплоть до финала.

Мой отец работал тогда на мосту, у него водились деньги, так что он купил радиоприемник перед Кубком мира. Присоединил его проводами к фонарному столбу. Это был единственный приемник на улице, поэтому все приходили послушать. Иногда в нашей гостиной было не протолкнуться, столько народу набивалось на игру.

---

¹⁰² Прозвище бразильской сборной по футболу, в переводе означает «избранные», в русской прессе встречается неверное написание «Салесао».

Мы начали играть в чемпионате двадцать четвертого июня против Мексики. Бах! Мексиканцы повержены. Четыре-ноль. Следующий! Дальше Швейцария. Тут мы чуть сдали, но если уж давать слабину, то в самом начале. Теперь нужно было победить Югославию, чтобы квалифицироваться в финальную группу. Из каждой группы могла выйти только одна команда. Мы играли тогда на новом стадионе «Маракана» и выиграли со счетом два-ноль. Итак, мы прошли.

Кроме нас в финальной группе оказались Швеция, Испания, а еще Уругвай, «небесно-голубые».

Приходилось ставить приемник на окно, поскольку наш дом не вмещал всех желающих послушать трансляцию. Отец водружал радио на металлический бочонок, а люди выстраивались в очередь вниз по всему холму.

Первый матч. Мы разгромили Швецию со счетом семь-один. Второй матч, Испания, – шесть-один. Казалось, ничто не может остановить Бразилию. Эта команда должна была стать величайшей в истории. От славы нас отделял только крошечный Уругвай.

Рио ждал, вся страна ждала, весь мир ждал, что мы поднимем кубок Жюля Рима¹⁰³ на самом красивом в мире стадионе в самом красивом городе планеты.

---

¹⁰³ Жюль Риме был вдохновителем проведения чемпионатов мира по футболу, главный приз носил его имя вплоть до 1970 года.

«Мунду» напечатал фотографии игроков еще до матча с подзаголовком: «Вот они, чемпионы мира!»:

Шестнадцатого июля одна десятая Рио оказалась внутри стадиона. Одна десятая целого города, да. Остальная часть страны прильнула к радиоприемникам: все точно помнят, где они находились в тот момент, когда рефери дал стартовый свисток. Первый тайм безголевой. Но на двадцать восьмой минуте произошло что-то странное: капитан уругвайцев Обдулио Варела ударил Бигоде, и это было словно макумба¹⁰⁴. Все поняли, что энергия на стадионе изменилась, можно было почувствовать это даже по радио. Аше¹⁰⁵ больше не с Бразилией. Затем, буквально на первой минуте второго тайма, Фриаса бьет угловой... прострел. Го-о-о-о-л забивает Бразилия! Один-ноль, один-ноль, один-ноль, один-ноль. Все танцевали и пели у нас дома и во всех остальных домах и на улице вплоть до Копа. Затем, на шестьдесят восьмой минуте, уругвайский игрок Гиггия перехватил макумба и побежал с мячом. Он обошел Бигоде с правого фланга, последовала передача. Мяч оказался у Сьяффино,

---

¹⁰⁴ Бразильская форма колдовства вуду.

¹⁰⁵ Аше дословно переводится «да будет так», обычно этим словом обозначаются те принадлежащие божествам силы, которые сконцентрированы в священных предметах культа, это энергия, которая движет вещами и событиями.

и он послал его в ворота мимо Барбозы. Сам Господь не мог бы помешать этому удару.

Но мы все еще могли победить. Выкарабкивались из передряг похуже. Мы же Бразилия. А потом, в 16:33, все часы остановились. Снова Гиггиа обыграл Бигоде. Оказался в штрафной. На этот раз без передачи. Он был рядом со штангой, но ударил. Барбоза считал, что в ближний угол забить невозможно. Он двигался слишком медленно, слишком поздно. Мяч угодил в сетку. «Гол Уругвая», – сообщил по радио Луис Мендес, а потом, словно бы не веря в то, что сказал, повторил: «Гол Уругвая». И снова повторил. Шесть раз. Это правда. Два-один в пользу Уругвая. На стадионе не раздалось ни звука, ни звука не прозвучало в нашем доме и на улице, во всем Паване и во всем Рио. Алсидис Гиггиа всегда говорил, что только три человека одним движением могли заставить умолкнуть «Маракану»: Фрэнк Синатра, папа римский и он.

Когда раздался финальный свисток и Уругвай поднял Кубок, все еще стояла тишина. Мой отец не мог выйти на работу неделю. Один парень, который жил выше на холме, бросился под автобус, он не мог пережить такое. Рио замер. У целой страны был шок. Мы от него так никогда и не оправились. Может, мы ожидали слишком многого, может, политики договорились

до того, что это была уже не просто игра в футбол, а сама Бразилия. Те люди, что стояли на стадионе... Знаете, как они себя называли? «Оставшиеся в живых». И это правильно. Но настоящая боль была не в том, что мы проиграли чемпионат, а в осознании, что, возможно, мы не столь велики, как думали о себе. Даже в нашей хибаре, в Морру-ду-Паван, когда слушали радиоприемник, присоединенный к фонарному столбу с металлическим бочонком в качестве усилителя, мы все еще считали себя частью великого будущего. Может, мы вовсе не были страной будущего, предметом всеобщего восхищения и зависти, а лишь очередной южноамериканской банановой республикой, которая расхаживает горделиво, как бойцовый петух с золотыми перьями, но никто ее не воспринимает всерьез. Француз де Голль как-то раз сказал: «Бразилия – несерьезная страна». После Рокового финала мы ему поверили.

Разумеется, мы искали козлов отпущения. Мы всегда так делаем. И вся ненависть обрушилась на Барбозу. Последняя линия защиты, от которой зависела вся страна. Это он опустил Бразилию, и Бразилия никогда ему этого не забудет. Он сыграл за сборную еще всего лишь раз, а потом отказался от футбола, от своих друзей по команде, перестал появляться в обществе и вообще сгинул. Бразилия устроила ему пять-

десять лет ада. Столько не дают даже за убийство.

* * *

– Это будет шоу в формате телесуда, – сказала Марселина.

В эту пятницу мозговой штурм состоялся в конференц-зале Адриану, стеклянном кубе с названиями самых крупных и нашумевших хитов, оставивших след на экваториальной полосе. Среди них была и парочка проектов Марселины. Везде специально раскиданы игрушки и новые головоломки для стимулирования креативности. На прошлой неделе это была «Зарядка для мозгов» для «Плейстейшен», на этой неделе – листы бумаги и книга под названием «Оригами для взрослых». По всей Руа Мунис Баретто этот кабинет звали «Сауной», и он действительно славился плохим кондиционированием, но пот, который сейчас градом катился по бокам Марселины, не походил на тепличный. Он напоминал пот роды, ведь стеклянная комната была такой же ареной боевых искусств, как любой круг в капоэйре. Марселина знала, что ей пригодится все ее жейту, вся малисия, чтобы перетанцевать врагов. «Помоги мне, Богоматерь Дорогостоящих Проектов».

– Мы его выследим, доставим в студию на суд бра-

зильского народа. Мы представим доказательства, причем и «за», и «против», он ведь имеет право на справедливое судебное разбирательство.

Настолько справедливое, как мы того захотим. Можно пригласить настоящего судью председательствовать. Или Пеле. А потом зрители решат, простить его или нет.

Стеклянные столы в стеклянной комнате образовывали четырехугольник, чтобы было демократично и удобно общаться. Правда, Адриану и Черная Птичка, сегодня вся в образе Одри Хепбёрн, сидели на той стороне четырехугольника, что дальше всего от солнца. Лизандра и ее команда – справа от Марселины, всякие важные начальники – слева. Держи своих врагов в поле периферического зрения, но нельзя, чтобы они заметили, как ты смотришь на них, это глупо. Напротив сидел Арлинду Пернамбукану из отдела развлекательных программ, он был уже слишком стар, чтобы дронить на журналы со знаменитостями и вообще обращать внимание на баб, но, тем не менее, имел феноменальный коэффициент успеха. Но он не участвовал в жогу. В роде только Лизандра и Марселина.

– И что произойдет, если он виновен? – спросил Адриану.

– Мы заставим его принести извинения в прямом

эфире.

Директор поморщился. Но это нормально. Его гримаса означала: раболепство на телеэкране, удовольствие от вины. Позор TV. Ему это нравилось.

– А он хоть жив, вообще?

– Я проверяю по архивам, – сказал Селсу, который занимался для Марселины сбором материалов и стал новым членом ее альтернативной семьи.

Он был пугающе умен, открыто амбициозен, всегда приходил раньше Марселины, а уходил позже. Марселина не сомневалась, что в один прекрасный день он потянется за ее короной, но не сегодня, когда в ее яичниках снова светится радость – жар идеи, который разгорается из ниоткуда, столь совершенный и полный, будто бы в его основании выгравировано «*Сделано на небесах*». Марселина думала, что навеки утратила эту радость и теперь может лишь мельком увидеть ее в закатах на Ботафогу, в сиянии и смехе улиц Копа, глядя на них из садика на крыше. «*Я вернулась*», – подумала она.

– Можно сделать его поиски частью программы, – сказал Адриану.

«*Он вносит предложения*, – заметила Марселина. *Пытается присвоить проект себе*». Возможно, все получится. Получится.

– Он, наверное, уже совсем старик, – вставила Чер-

ная Птичка.

– Восемьдесят пять лет, – тут же откликнулся Селсу.

– Интересная идея, но разве в духе Четвертого канала подвергать пожилого человека насмешкам и унижению? Пелоринью¹⁰⁶ на телеэкране?

Да, хочется завопить Марселине. Четвертый канал это не более чем позорный столб, каленое железо. Именно это нравится нам больше всего – страдания других, паноптикум. Покажите нам пытки и безумие, покажите нам публичные вскрытия и отвращение, покажите, как девушки раздеваются на телеэкране. Мы – похотливое зверье. Радость открытого унижения знакома еще с восемнадцатого века. Если бы сейчас проводили публичные казни, то Четвертый канал показывал бы их в прайм-тайм, и рейтинги били бы все рекорды.

– Это шанс для нас покончить с тем, что до сих пор мучает бразильцев уже пятьдесят лет. Да, с тех пор мы побеждали, но не тогда, когда это действительно было важно, на нашей собственной земле, на нашем собственном стадионе, перед лицом нашего собственного народа.

Адриану кивнул. Лизандра сложила оригами – два

---

¹⁰⁶ В переводе с португальского «столб для порки» – именно так называлась площадь, где устраивали публичные порки и торговали рабами.

красных трахающихся кролика. Помахала ими на краю поля зрения Марселины.

– Нет, мне нравится, – объявил программный директор. – Остро, шумно, вызывает споры. Проведем смс-голосование, виновен или нет. Абсолютно в стиле Четвертого канала. ТЧН.

То, что надо, догадалась Марселина.

– У нас всегда хорошо идут шоу, где есть целый список участников, – сказала Черная Птичка, склонив голову на один градус в сторону Лизандры. – Что-нибудь типа «Самые великие игроки сборной» вызвало бы интерес зрителей.

Селсу сложил оригами в виде зеленого пениса и стал медленно поднимать его в сторону Лизандры.

– Нет. Всем спасибо. – Адриану отодвинулся на миллиметр от стеклянного стола. Предвкушение потрескивает в комнате, словно искра.

– Я знаю, что ты в состоянии сделать это. ГОМР.

Готов объявить мое решение.

* * *

– Вселенной осталось выполнить десять в сто двадцатой степени вычислений, – сообщил Эйтор, сидевший, положив ноги на стол, в угловом кабинете и смотревший на машины, которые двигались в сто-

рону пляжа, и золотой с голубым треугольник в конце улицы, напоминавший праздничный флаг. – Потом все остановится и закончится, будет темно и холодно, и Вселенная продолжит расширяться вечно, пока все не окажется бесконечно далеко от всего остального. Знаешь, я уверен, что у меня появляется аллергия на пшеницу.

– Ты мог бы сказать «молодец, Марселина», «поздравляю, Марселина», «убийственно, Марселина, я приглашаю тебя в кафе „Барбоза“ выпить шампанского».

Служба новостей уже привыкла к тому, как Марселина врывается из грязи и стервозности отдела развлекательных программ в их сосредоточенную атмосферу серьезной журналистики, как треснутый глушитель, со злым лицом фланируя между «горячими столами»¹⁰⁷ в сторону маленького убежища Эйтора, где он размышлял над своей ролью – приносить дурные вести миллионам – и над тщетностью средств массовой информации в общем. После этого двери обычно закрывались, из-за них доносились высокопарные речи и гневные тирады, а внештатные корреспонденты возвращались к делам или начинали искать в Интер-

---

¹⁰⁷ Речь о системе незакрепленных рабочих мест, у работника нет своего собственного рабочего стола, а есть общие столы, которые можно использовать по необходимости.

нете варианты отдыха на выходные. Теперь же, когда Марселина вошла – маленькая грудь вперед, золотые кудри растрепались, – сияя так, будто только что употребила шесть дорожек с сиденья унитаза, журналисты сразу занервничали. Никаких криков из кабинета Эйтора. Все в этом здании, не говоря уж о работавших на восьмом этаже, знали, что они время от времени трахались, только удивлялись, почему. Мало кто понимал, что отношения могут родиться из необходимости *не* заниматься сексом со всеми, кому нужно заняться им с тобой. Те же, кто понимал подобное, не спешили делиться прозрением с остальными. Они боялись, что в один прекрасный день им самим придется разыграть такую карту.

– Финансирование от и до, через две недели подаю полное предложение, и до конца месяца проекту дают зеленый свет. Черт побери, я крута или как?

Эйтор снял ноги со стола, повернулся к Марселине, которая заполнила собой две трети его офиса, королева капоэйры с аурой успеха.

– Молодец, Марселина.

Он не обнял ее и не прижал к своему большому медвежьему телу в сером костюме. У них были не те отношения.

– Какое у тебя расписание на вторую половину дня?
«Кафе „Барбоза“, это же знак. Спасибо тебе, Бого-

мать Дорогостоящих Проектов».

– Вечерняя сводка, а потом основной выпуск в семь.

Эйтор был депрессивным диктором, эта шутку знали далеко за пределами Четвертого канала, но Марселина понимала, что такая милая созерцательная меланхолия вызвана не постоянным шквалом сенсационных, жестоких и одержимых знаменитостями новостей, который стал неотъемлемой частью его жизни, просто Эйтор чувствовал ответственность. Он был Смертью, которую пригласили на все телеобеды страны. Марселина же, напротив, только радовалась, делая карьеру на пустяковых банальностях.

– Вот что будет дальше. У меня свидание с иглой. Потом я иду в кафе «Барбоза» со своей командой, альтернативной семьей и любимым, кто захочет купить мне пиво. Ты приедешь, мы поедем в Лап¹⁰⁸, а потом к тебе. Я тебя затрахую до полусмерти. Но сначала мне понадобится твоя помощь.

– Так и думал, что придется платить.

– Проект зависит от того, найду ли я Барбозу. Ты знаешь, как это сделать?

– Ну я не...

– Но знаешь кого-то, кто может. – Стандартная шутка журналистов и адвокатов.

---

¹⁰⁸ Богемный и злачный район Рио.

– Разыщи вот этого парня, – Эйтор написал имя на розовой бумажке. – Будет нелегко, но он знает Рио как никто другой. Его можно застать на пляже Фламенгу с утра пораньше.

– Насколько пораньше?

– Тебе даже не представить. Он говорит, что для пляжа лучшего времени нет. – Эйтор отвернулся и поморщился, когда электронный ящик известил о новом письме. – Да, это хлеб, определенно. Не буду больше есть хлеб. А тебе советую прочесть вот это. – На столе, умоляя, лежала открытая книга. Эйтор читал агрессивно, пытаясь найти среди страниц идеи, способные дать хоть какое-то оправдание безумному миру, к которому он обращался дважды в день. Раз в неделю он всучивал очередную книгу Марселине, а та отдавала ее, ни разу не открыв, доне Бебел. Чтение – это слишком статично, это из прошлого века. – Она о теории информации, самой новой теории всего на свете. Якобы вселенная – это лишь огромный квантовый компьютер, а мы все – программы. Меня эта мысль успокаивает, а тебя?

– Приходи в «Барбозу», Эйтор. Тебе нужно много пива и очень горячего секса.

Он поднял руку, уже поглощенный надвигающимся миром.

Машины на улице почему-то не оказалось. Марсе-

лина посмотрела направо, вниз, а потом пошла обратно в фойе к стойке секретаря.

– А мне такси, вообще, вызвали?

– Вызвали, ты вышла и уехала, – ответил Робсон, стоявший в дверях. Роскошное создание – высокий, с шикарными скулами и мускулами пловца, такой черный, что даже светился. Когда на Рождество раздавали награды, то Робсону регулярно доставался приз «Самому сладкому». Марселина не могла поверить, что он натурал.

– В смысле «уехала»?

– В прямом. Ты уехала на такси.

– Я уехала? Да я только что спустилась!

Робсон уставился на свои руки, как делают люди, столкнувшись с безумцами в общественном месте.

– Ну ты вышла из лифта, спросила то же самое, мол, вызвали ли такси. Я ответил, что вызвали, машина ждет снаружи, ты села в такси и уехала.

– Думаю, кто-то из нас сидит на очень сильных наркотиках. – Возможно, она. Это все гуарана и эхо вчерашней гулянки. Давления больше нет, ты получила результат результатов, и теперь мозг кипит и пузырится, как «Ментос» в диетической коле.

– Ну я-то знаю, что видел.

Люди, которые голосовали за красавчика Робсона, никогда не говорили с ним, когда он сердился, когда в

его голосе слышалось снобистское раздражение.

– А во что я была одета? – спросила Марселина. Часы тикали. – Ладно, черт с ним.

Загадки подождут. У нее еще свидание с тончайшей стальной иглой любви.

– В черный костюм! – крикнул ей вслед Робсон. – Ты была в черном костюме! И в туфлях на шпильках!

25 сентября 2032 года

Суперсекси в сапожках на шпильках, в боди с воротником «поло» и высоким вырезом до бедра, симпатичной черной мотоциклетной курточке а-ля болеро Эфрин с важным видом идет по гафиейра. Сидаде-де-Лус подпрыгивает. Это свадебная гафиейра, они самые лучшие.

На открытом пяточке в Гараже Жозе установили сцену. Колонки стоят прямо на разобранных моторах. Диджей Малыш, надевший флаг Бразилии как плащ Супермена, крутит любимые публикой треки. На экранах меняются созвездия светящихся узоров, арчиды гафиейры отслеживаются Ангелами Постоянного Надзора и отображаются в виде красивой россыпи огоньков. Диджей поднимает пальцы в воздух, толпа негромко ревет, тогда он хлопает в ладоши, поднимает руки, и раздается рев погромче... Дамы и госпо-

да. Ее появление остается незамеченным в ослепительном покачивании огней под барабанный бой – зачин «Покотокопо», нашумевшего хита этого года, но зрители видят, как серебряный мяч, искрясь, взмывает в воздух. Милена Кастру, Королева футбола, подбрасывает мяч, отбивает его то головой, то грудью, то задницей, то коленями. Улыбается при каждом ударе. На передней части ее стрингов красуются синий ромб и зеленый глобус Бразилии. «Порядок и прогресс»¹⁰⁹. Девушка поворачивается спиной к зрителям и трясет ягодицами. Толпа улюлюкает. «Хорошая девочка», – думает Эфрин. Она выступает первой из подопечных его второй ипостаси – директора «Де Фрейтас Глобал Талант». Но сегодня он настроен на вечеринку и выглядит просто потрясающе в огромном афропарике. Его тело покрыто золотистой пудрой, он принял таблетку «Разболтая», которую купил у Стритса, поставщика нейрологических добавок, и теперь может сказать что угодно кому угодно и без всякой запинки. Девушки провожают взглядом Эфрина, когда тот проходит мимо, покачивая сумочкой. Так и задумано. Он хочет, чтоб на него смотрели все. Ведь сегодня Эфрин/Эдсон – два в одном – вышел на охоту.

– Привет, Эфрин! – Большой Стейк стоит у барной

---

¹⁰⁹ Национальный девиз Бразилии, используемый с момента её образования, написанный на ее флаге.

стойки. Одной рукой он держит кайпи¹¹⁰, а второй обнимает свою невесту Серену. Он владеет половиной зала на паях с Эмерсоном, старшим братом Эдсона. – Весело тебе?

Большой Стейк с энтузиазмом и размахом наслаждается гостеприимством собственной гафиейры. Серьезная Серена хмурится при виде Эдсона. Она должна бы носить очки, но слишком тщеславна для этого. Большой Стейк подарил ей на помолвку лазерную коррекцию зрения в хорошей клинике на Авенида Паулиста.

– Ты сегодня очень сексуальна, – Эфрин делает реверанс.

Серьезная Серена смотрит на его сказочные бедра:

– Наконец-то нашел кого-то нормального. И долго она может держать мяч в воздухе?

– Подольше, чем ты, – говорит Эфрин, поскольку у него на «Разболтае» развязался язык, и принимает позу, которую можно себе позволить только в сапогах на шпильках и чудовищном парике.

Серена морщится. Большой Стейк жестом отгоняет его прочь, а кто-то другой манит из-за баллонов для газа. «Эй, Эдсон, иди сюда!» Это Индюк с бандой Перьев, в которой раньше состоял и Эдсон, они распо-

---

¹¹⁰ Кайпиринья – популярный бразильский алкогольный коктейль, который готовится из кашасы, лайма, льда и тростникового сахара.

ложились в дальнем углу, где хранят паленую водку. Банда, это конечно, громко сказано. Тут и не пахло кодексом чести, пушками и трупами на обочинах шоссе, скорее парни просто тусовались вместе, иногда подворовывали дизайнерские вещички попроще, время от времени не брезговали маконья и незаконными скачками, там могли стянуть что-то из машины по мелочи, тут, наоборот, ходили в местном патруле, порядок охраняли – и все это с разрешения местного авторитета. Так было всегда, молодые люди не видели другого выхода из Сидаде-де-Лус, кроме как идти в фавелу и получить ритуальные шрамы солдаду¹¹¹ наркобарона. Но, повзрослев, Перья покидали трущобы, женились, заводили детей, находили работу, ленились и жирели. Эдсон, как и старшие братья, тоже пришел в банду, но быстро понял, что она – скорее препятствие для его амбиций. Он потихоньку ослабил узы, которые связывали его с парнями, уплывая все дальше, на вольные хлеба, пока внутри него росли новые личности, а потом, словно комета, залетал сюда, потряхивая ярким хвостом, только на вечеринки, гаффиейры, свадьбы и похороны, став счастливым предзнаменованием. Теперь он был сам себе бандой.

– Не Эдсон, а Эфрин, милый.

---

¹¹¹ В переводе с португальского «солдат» – так называют гангстеров в банде.

– Эфрин, Эфрин, ты должен это увидеть.

Эта штукавина отражает свет от своих изгибов, как нож, ложится в руку, как нож, и даже пахнет, как нож, однако Эфрин видит, как подрагивает лезвие, словно оно одновременно здесь и не здесь, словно сделано из снов. Это что-то куда большее, чем просто нож.

– Где вы это взяли?

– Купили у какого-то парня в Итакере, а он якобы достал у военных. Хочешь попробовать? – Индюк протягивает нож Эфрину.

– Я даже прикасаться к этой штуке не стану.

Индюк в ответ делает три резких взмаха. Лезвие свистит. Разрезает воздух. Эфрин чувствует запах электричества.

– Только посмотри на это. Круто же!

Индюк присаживается на корточки. С деликатностью наркоторговца, отмеряющего дозу на весах, ставит рукоятку ножа на промасленную землю, под лезвие подкладывает кирпич. Оно легко прорезает глину, будто она жидкая. Индюк быстро подкладывает пачку сигарет под рукоятку. Лезвие продолжает идти вниз, прямо сквозь бетонный пол, пока не останавливается.

Квант-нож. Эфрин слышал про такое. Никто не знает, откуда они берутся: из бразильской армии, от американских военных, от китайцев, от ЦРУ, но с тех пор, как эти ножи появились в фанк-барах, все знают, на

что они способны. Рассекают все что угодно. У них настолько острое лезвие, что режет вплоть до атомов. Из разговоров с мистером Персигом Эдсон знает, что нож и того острее, на квантовом уровне. Если сломать такой – а с этим может справиться лишь другой квант-нож, – то обломок провалится сквозь скальную породу до самого центра земли.

– Разве это не крутейшая штука?

– Это смертельная штука, милый.

Он чувствует погибель, исходящую от лезвия, словно солнечный ожог. Нынче у любого уличного пирата эмпатия без синестезии не обходится.

Гараж Жозе вздрагивает, когда диджей Малыш начинает новый сет. Эфрин оставляет ребят из банды играть с квант-ножом. «Так вам из Сидаде-де-Лус никогда не выбраться», – думает он. Пора второму подопечному «Де Фрейтас Глобал Талант» выступить с дебютом.

– Дамы и господа! Микс-войны! Микс-войны! – верещит диджей, и толпа взрывается в ответ. – Раунд первый! Мастер ремиксов Жуан Б. против миксджея Сулейма-а-а-а-ана! И пусть останется! Только! Один! Начинайте бой!

Когда противники запрыгивают на сцену, вокруг образуется стена восторженных криков. Налик сразится с любым из этих двоих, с тем, кто завоюет сердца, ру-

ки и ноги толпы. Эфрин останавливается около прилавка с шурраску¹¹², чтобы посмотреть за состязанием.

– А ты секси, Эфрин, – говорит Режина, королева шурраску. Он широко улыбается. В образе травести ему нравится внимание к собственной персоне. Он подносит к напомаженным губам бамбуковую шпажку, на которую нанизан жирный потемневший кусок говядины. Миксджей Сулейман так легко разделяется с Жуаном Б., что даже как-то неловко: у паренька нет чувства ритма, все сводится к импровизациям на гитаре, он думает, что это фанк, но публике это напоминает музыку из теленовелл про гаушу¹¹³. В него летят пустые стаканчики из-под кай-пироски¹¹⁴.

– Дамы и господа, а теперь На-на-на-налик!

Налик был идеальным алиби – тихоня, никаких связей с бандами, целиком и полностью предан ритмам, что вырываются у него из наушников. В Сан-Паулу, где каждый житель под колпаком, даже самому уважаемому бизнесмену необходима возмож-

---

¹¹² Национальное блюдо Бразилии – мясо, приготовленное на вертеле.

¹¹³ Социальная и субэтническая группа, в том числе проживающая и в Бразилии, близкая по духу американским ковбоям. Испанское произношение «гаучо».

¹¹⁴ Коктейль, который готовится по аналогии с коктейлем «кайпиринья», но за основу берется водка.

ность время от времени выдавать себя за кого-то другого. Много раз Эдсон бродил по Сидаде-де-Лус и даже по фавеле с идентификатором Налика, загруженным на айшэды, пока сам Налик музицировал под видом Эдсона Жезуса Оливейры де Фрейтаса. И как-то Эдсон менял идентификаторы и услышал музыку в айшэдах парня, и тогда с его губ впервые слетели слова: *а ведь из этого что-то может получиться*. Так на веранде с жестяной крышей появилась на свет компания «Де Фрейтас Глобал Талант». И скоро весь мир увидит ее танец.

Налик тут же подхватывает ритм самбы паулистану, заданный миксджеем Сулейманом, выбирает из своего арсенала сэмплов манге-бит¹¹⁵ и дает такой бит, что динамики подрагивают и жужжат. Толпа даже отшатывается. Вау! А потом все подпрыгивают в середине такта, приземляются в контрапункте, и начинается реальный отрыв. Сулейман пытается умничать с классическим блэк-металлическим тремоло на гитаре и старым добрым драмнбэйсом – классно, конечно, но под такое не потанцуешь. Налик подхватывает гитарное соло, избавляется от баса, зато добавляет фанк в промышленных масштабах: вкручивает басовую партию гринго прошлого века и ритм пау – такой свежак, что его еще даже из упаковки толком не вынули. Эф-

---

¹¹⁵ Музыка карнавального типа с элементами хип-хопа и «электро».

рин видит треки на айшэдах Налика, пока тот одними глазами отбирает их и миксует прямо в реальном времени. Зрители живут его музыкой, любят ее, аплодируют ей, впитывают ее: не остается никаких сомнений, кто победит в этой битве.

Затем Господь говорит: «Сегодня, Эфрин/Эдсон или кто ты там есть или можешь быть, я улыбнусь тебе из-за спутников, аэростатов и Ангелов Постоянного Надзора».

Она. Около барной стойки, в окружении подружек, держит в руке пластиковый стаканчик с кайпироской. На ней розовые сапожки из крокодиловой кожи (и с чего ей так хочется поставить кайманов на грань вымирания?) и маленькое серебристое платье с трапециевидным силуэтом, сшитое из материала, напоминающего чешую змеи, такое коротенькое, что еле-еле закрывает трусики, но колышется оно великолепно и богато. Айшэды «Корр» закрывают полголовы. Космическая малышка. Сегодня у нее розовые волосы. Розовый и серебряный отлично подходят к сумочке от Джиорелли Хаббаджабба, обязательной в гардеробе каждой девушки в этом сезоне. Она пришла.

– Миксджей де Пепо-о-о-о-о-о-о-о-о-о! – Ди-джей Малыш объявляет имя следующего участника, пока Эфрин проталкивается через толпу к бару.

– Эфрин! Эфрин! Эфрин! – Крики звучат в ушах,

словно пистолетные выстрелы. Когда Эдсон состоял в банде, Вкусняшка увивался за ним, как кобель за сукой. Судя по его глазам и маниакальному упорству, он накачался наркотой. – Бродяга откинулся, парень! Он умер!

Бродяга – грязный маленький фавеладун, тупой до безобразия, который занял место Эдсона, то есть стал солнцем во вселенной Вкусняшки, когда Эдсон вышел из банды. Хотя надо говорить о нем в прошедшем времени. Некоторые люди рождаются со следами пулевых ранений на теле, словно со стигматами. Даже в полуреспектабельном районе Сидаде-де-Лус убийство – обычная смерть для молодого мужчины. Человек здесь вступает в эпоху зрелости, если доживает до тридцати.

– Его разрезали пополам, чувак. Твою мать, пополам! И бросили на обочине шоссе. Еще и знак вырезали на дороге!

Наверное, прямоугольник с чуть выпуклыми краями и купольной крышкой. Стилизованный мусорный бачок. «Не забудьте вынести мусор». Вырезан квант-ножом наподобие того, с которым парни из банды забавляются в дальнем углу Гаража Жозе. Поэтому все и знают о квант-ножах. Они стали настоящей звездой последних шести сезонов самого нашумевшего в Сан-Паулу телешоу. Ни один телеканал не одобрил

бы реалисти, в котором парень по имени Жозе всеми правдами и неправдами пытается стать членом команды бандейрантов, чтобы выслеживать бандитов на улицах. Но сейчас время тотальных СМИ, общего доступа к контенту и викивидения. И какая-то пиратская киностудия запустила платный показ для двадцати миллионов айшэдов. Реформаторы, христиане-евангелисты, священники, адвокаты и социалисты требуют, чтобы кто-то что-то сделал, мол, мы знаем, кто все эти люди, давайте выдворим их из нашего славного Сан-Паулу. Но полиция смотрит сквозь пальцы. Кому-то нужно выносить мусор. Эфрин никогда не стал бы пачкать свои глаза просмотром такого видео, но ему нравится бизнес-план этих ребят. А теперь они явились в Сидаде-де-Лус. Правда, сейчас не время для таких разговоров. Не стоит пугать народ на гафиейре, да и сам Эфрин на охоте. Она все еще здесь, за импровизированной барной стойкой, сделанной из столов на козлах, которые одолжили в приходском центре. Священнику хватает ума не проверять, что тут делают с его столами, но кренчи, верующие, с их безошибочным чутьем на спасенные души, раздают брошюры про страшный и ужасный ад, которые превращаются под ногами в пропитанное алкоголем папье-маше. Женщины разливают кайпироску пластиковыми стаканами из тазов. Два парня в об-

легающих майках давят лайм в больших деревянных ступках. Надо быстро избавиться от этого придурка.

Эфрин достает из сумки маленький шарик маконья, завернутый в фольгу.

– Вот, малыш, это тебе.

Парень и так под кайфом, но Эдсон хочет, чтобы он вообще унесся в дальние дали и не мог никого напугать. Как грубо.

– Бери, давай, это тебе.

«Дамы и господа, миксджей Рауль Гло-о-о-оория!»

Еще одна победа Налика.

– Привет, милашки! – Эфрин подплывает, вихляя бедрами под ритмы самбы, и оценивает их с ног до головы. – Фу, какие шокирующе ужасные туфли!

Фиа и ее подружки гикают и радуются. Эфрин позволяет «Разболтаю» выполнить свою работу, он кружится вокруг девушек и изображает, что инспектирует каждую по очереди.

– Дорогая, никто не сказал тебе, что пальцы на ногах как у птеродактиля – это нет-нет-нет? Господи Иисусе! Розовый и оранжевый? Эфрин помолится за тебя, поскольку такой девушке поможет только Богоматерь Убийственных Туфель. Теперь ты, тебе нужно заняться спортом. Сделай усилие. На тебя же смотрит Эфрин. Ты такая дряблая, как член старого священника. А тебя, малышка, спасет только пластика.

Я знаю тут кое-каких ребятков, которые делают операции по дешевке. Мы ведь все о таком мечтаем? – Он останавливается перед кван-тумейрос. Сумочка удобно примостилась на ее руке, будто спящий кот. «Ты не знаешь, кто я. Зато я знаю, кто ты». Эфрин любит анонимность. – А тебе я хочу продемонстрировать магию травести. Ты мне не веришь? Мы, девочки, все владеем магией, обладаем властью. Дай мне сумочку, и я расскажу тебе кое-что волшебное.

Смеясь над бесстыдством Эфрина, Фиа протягивает ему сумочку. Он теребит ее, нюхает и лижет:

– Эта вещица говорит мне, что ее тебе подарили, ты ее не покупала. Мужчина, который тебе преподнес сумочку... погоди-ка, она говорит, что он бизнесмен, человек со связями, знает нужных людей. – Эфрин подносит сумочку к уху, надувает губы, а потом выпучивает глаза, изображая удивление. – Она говорит, что тот человек подарил ее в благодарность за услугу. Ты спасла его тупого братца.

Эфрин уводит Фиу от подружек. Им кажется, что это забавно, они машут руками, шлют воздушные поцелуйчики, а она и сама не прочь уйти, окунуться в гаффиейру. Эдсон поднимает сумочку, что-то ей нашептывает, кивает и закатывает глаза.

– Эта вещица говорит, что тот человек все еще должен тебе. Все-таки это был его брат, может, он и бес-

полезен, но дороже сумочки. Даже такой, как эта.

Фиа хохочет. Ее смех напоминает звон монеток, отскакивающих от тротуара.

– И как этот большой бизнесмен хочет меня отблагодарить?

– Он вот-вот заключит сделку по одной арабской ланшунете¹¹⁶. Их кибе¹¹⁷ просто убьют тебя на месте. Он бы хотел, чтобы ты первой попробовала блюдо, которое станет самой популярной франшизой в Сампе и сделает его богатым-пребогатым парнем с квартирой в Ильябела.

Эдсон всегда мечтал о домике у моря. Когда-нибудь, еще не выйдя на пенсию, но уже слишком облепившись, чтобы наслаждаться бизнесом, он обзаведется домиком в Ильябела, где сможет каждое утро просыпаться с видом на океан. Он не поедет туда, пока дом не достроят, но, когда все будет готово, он первый раз войдет внутрь темной-темной ночью, чтобы почувствовать шум прибоя, а на следующее утро первым делом взглянуть на океан. Сантус всего в полчаса езды на скоростном поезде, но Эдсон никогда не

---

¹¹⁶ Буфетная стойка (порт.).

¹¹⁷ Арабское блюдо, которое пользуется популярностью в Бразилии. Котлетки с булгуром. В XX в. вслед за португальскими поселенцами в Бразилию приехали сирийцы и ливанцы, внесшие в итоге свой вклад в национальную кухню.

видел моря.

– Цветы дешевле. И симпатичнее, – говорит Фиа.

– Цветы уже мертвы.

– Это тебе все сумочка сказала?

– Немного магии травести.

– Думаю, сегодня ты уже продемонстрировал достаточно волшебства, как бы там тебя ни звали.

У него колотится сердце.

– Сегодня вечером я – Эфрин.

– Какие еще секретки у тебя есть, Эфрин/Эдсон?

«Только один, – говорит он про себя, – и его даже моя мать не знает». Он дергается, трясет огромным афропариком, но Эфрину такое сходит с рук.

– Ну, ты пришла на гафиейру, а теперь, думаю, стоит поесть кибе. Сумочка советует.

– Помнишь, что я сказала тебе в прошлый раз?

– Отвянуть?

Он видит, как Фиа мысленно перебирает все причины, чтобы снова отказать ему, и отменяет их. Это всего лишь обед. Тут на ее айшэды в область периферического зрения поступает звонок. Лицо девушки меняется. Эфрин через сейсмический грохот музыкальной битвы слышит тоненький мужской голос. Ему хочется заколоть этого мужика. Фиа делает айшэды непрозрачными, скрывая лицо звонившего. Сжимает губы. Хмурится. Разговор явно неприятный. Она смотрит на

двух парней, стоящих на самом краю толпы, а потом дотрагивается до его руки.

– Мне нужно идти.

– Детка. Не покидай меня сейчас. Так что насчет обеда?

Он поворачивается, прежде чем толпа унесет ее прочь, и дотрагивается до айшэдов. На них вспыхивает адрес.

– Будь осторожна. Там в толпе могут притаиться настоящие убийцы.

– О, я знаю! – восклицает она. – Знаю.

Все, ушла.

Дона Ортенсе пишет об этом в своей Книге Плача. И теперь обо всем знают мертвые, брошенные, больные, отчаявшиеся, обездоленные, погрязшие в долгах, а еще жены нерадивых мужей и матери беспечных детей, которых дона Ортенсе занесла в свою Книгу. Беспольный Герсон, который вернулся домой и целыми днями качается в гамаке брата, знает. И все остальные оставшиеся в живых братья знают, включая четвертого сына Милсона, который служит в бразильском подразделении миротворческих войск ООН на Гаити. Дечиу, который бреет Эдсона под деревом араса, усадив в черное кожаное кресло, гладкое и мягкое, словно вагина, знает. Его брокер знает, и ди-

лер знает, знают парни, которые чинят его мотоцикл, и дети, играющие в футбол за Ассамблеей Бога. Знают все братки из банды, а еще те, кто обеспечивает им алиби, и те, кто обеспечивает алиби тем, кто обеспечивает алиби.

Эдсон влюбился.

Единственный, кто не в курсе, это мистер Персик. И Эдсон, который сейчас выступает в образе Мальчика-Загадки, пытается найти способ все ему рассказать.

В Великом Сан-Паулу медленно течет очередной преступный день, а Капитан Великолепие и Мальчик-Загадка просто лежат на кровати в фазенде. Мальчик-Загадка курит маконью, выдувая причудливые колечки дыма прямо в потолок. Плащ и маска висят на набалдашнике резной массивной кровати из красного дерева. Он все еще в ботинках. Капитану Великолепие так нравится.

Иногда это герой и преступник. Иногда преступник и герой. Иногда, как сегодня, герой и герой. Супермен и его помощник. Костюм Мальчика-Загадки из спандекса наполовину зеленый, наполовину желтый, от макушки до пальцев ног. На левой, желтой стороне на нем нарисована огромная синяя цифра «шесть» от коленей до подбородка. Большая шестерка, маленькая шестерка. Сестинью. Таким прозвищем мистер

Персик, то есть, простите, Капитан Великолепие, называет Эдсона полжизни. Конкретно этот костюм дешевка, поэтому больно врезается между ягодицами. А уж гениталии у Мальчика-Загадки всем гениталиям гениталии.

Мальчик-Загадка рад, что сегодня по сценарию встреча героя с героем. Когда кто-то из них преступник, то дело доходит до связывания. В подвалах фазенды многое напоминает о временах рабства, включая железную маску, чтобы затыкать рот непослушным, и она пугает Эдсона. Вообще, дом полон всяких старинных вещиц, которые мистер Персик то и дело отдает ему, но Эдсону, в свою очередь, некому их передать. Он мог бы заработать кучу денег онлайн, но предпочитает оплату наличкой, быструю и тайную, и продает через парня в Кредитном союзе Сидаде-де-Лус. Компания «Де Фрейтас Глобал Талант» построенная на деньги с продажи антиквариата.

По сценарию это спортивный зал, и герои разглядывают друг друга перед зеркалом. Эдсон передает косяк Капитану Великолепие, тот делает пробную затяжку через маску и выпускает ароматный дым через ноздри. Капитан Великолепие весь одет в титановый и черный: ботинки, брюки, пояс, перчатки, маска, закрывающая лицо. Ее он любит носить даже потом, на расслабоне. Вроде как его видят, а на самом деле нет.

Когда он лежит на спине, то живота не видно. Эдсону не так противен его живот, как думает мистер Персик. Ему нравится этот старый хер.

– Эй, герой.

– Что?

– А что ты знаешь про квантовые компьютеры?

– Почему ты спрашиваешь? – Персик передает косяк обратно.

– Да так, говорил кое с кем.

– Говорил кое с кем о квантовых компьютерах?

– По делу. Не доставай меня. Скажи лучше, как это работает?

Гражданская ипостась Капитана Великолепиие – это мистер Персик, пожилой профессор теоретической физики, работающий на полставки в университете Сан-Пауло, последний наследник бывшей кофейной плантации Алваранга, супергерой-фетишист, наставник и половой партнер Эдсона Жезуса Оливейры де Фрейтаса.

– Помнишь, я рассказывал тебе про тени и лягушек?

Эдсон/Сестинью извивается в неудобном костюме и прижимается к мистеру Персику. С самой первой нерешительной ласки – причем мистер Персик тогда чувствовал себя куда менее комфортно, чем еще совсем юный и дерзкий Сестинью, – каждая их встре-

ча оплачивалась какой-то историей. Эдсон чувствует, что, как заправский супергерой, может взлететь до облачных высот, у него кружится голова от того, что физика рассказывает ему о реальности.

История о тенях и лягушках одна из самых лучших, простая, но заковыристая. В ней есть переход от обычного к удивительному, странному, но очень важному. Эдсон не уверен, что уже понял весь ее философский и эмоциональный подтекст. Он подозревает, что это не под силу никому. Как и все отличные истории, эта начинается с ужасающе очевидного вопроса: а из чего состоит свет? Не такой уж простой вопрос, на него нельзя ответить, рассекая предмет дальше и дальше, пока уже нечего будет рассекать (хотя Эдсон за время супергеройских встреч выяснил, что даже это верно: у фундаментов есть фундаменты, а их можно разложить на вибрирующие струны типа гитарных, хотя мистер Персик и не придерживается данной интерпретации реальности). Элементарные частицы света – фотоны – похоже, изменяются в зависимости от того, что с ними делают. Если выстрелить единственным фотоном по определенному металлу, то он выбьет с его поверхности электроны. Эдсон сразу вспоминает, как подглядывал за старшими братьями, когда те палили по дорожным знакам из пневматики. А если выстрелить фотоном через две

крошечные щели, то произойдет нечто совсем иное. Возникнет рисунок тени, темные и светлые полосы, словно встречаются две волны на луже. Как может единственный фотон пролететь синхронно через обе щели? Не может же быть один предмет двумя в одно и то же время. Физика, как всегда говорит мистер Персик, описывает только физическую реальность. Тогда что же такое фотон – волна или частица? Этот вопрос лежит в основе квантовой физики, и любой ответ на него означает, что физическая реальность кардинально отличается от наших представлений о ней. Ответ мистера Персика таков: когда единственный фотон проходит через щель, то реальный проходит через одну щель, а его призрак – через другую в тот же момент, и происходит интерференция. На самом деле на один-единственный фотон приходится триллион фантомов, большинство из которых так далеки от цели, что никогда не интерферируют с оригиналом. Разумеется, Эдсону хотелось знать, что такого особого в этих частицах, что у них есть двойники. На что мистер Персик ответил – ничего. Физические законы применимы ко всему, и если у фотонов есть призраки, то, значит, ими обладают и любые другие частицы, и все вокруг состоит из этих частиц. Триллион фантомов Сестинью. Триллион фантомов фазенды Алваранга. Триллион фантомов Бразилии, Земли и Солнца. Всего че-

го угодно. Существует слово для физической системы всего, и это слово – Вселенная. Существует триллион и даже больше, куда больше, вселенных, таких же реальных для живущих в них Сестинью и мистеров Персиков, их Мальчиков-Загадок и Капитанов Великолепие, как эта. В этот момент Эдсон, у которого закипала голова, подумал: «Возможно, в какой-то вселенной я не стал брать персик, который водитель вытащил из сумки, когда у него не нашлось сдачи для тринадцатилетнего пацана, решившего приглядеть за машиной». Физическая реальность состоит из этих призрачных вселенных, расположенных друг за другом, образуя мультивселенную, и на самых малых, кратковременных и слабых уровнях ворота между вариантами открываются. Эдсон все еще думает об этом: теперь, когда он встретился с девушкой, по работе перебирающей десять в восьмисотой степени вселенных, такая идея кажется ему реальной как никогда. Но при чем тут лягушки?

Ох, все просто, говорил мистер Персик. У лягушки такие чувствительные глаза, что она может уловить отдельные фотоны света.

– Лягушки видят на квантовом уровне, они могут заглянуть в мультивселенную, – говорит Мальчик-Загадка, когда Капитан Великолепие гладит руками в перчатках его крепкую задницу. – Вот почему они сидят с

выпученными глазами.

Так откуда внезапный интерес к квантовым компьютерам? – спрашивает Капитан Великолепие.

Свет, пробивающийся сквозь ставни, меркнет. Комната погружается во тьму. Порыв ветра качает цветочные корзины на веранде. Внезапный дождь стучит по черепичной крыше.

– Ты кого-то встретил, да? Ах ты, сучка! Кто она? Говори!

Капитан Великолепие садится, щекочет Мальчика-Загадку. В его голосе нет ни ревности, ни горечи. Не те у них отношения, не тот это город. Здесь можно жить множеством жизней и быть множеством «я». На глазах мистера Персика Сестинью не раз разбивали сердце, но это никак не изменило их встречи в фазенде на вершине холма. В жизни Эдсона есть стороны, о которых мистер Персик почти ничего не знает, а о многих, наверное, никогда и не узнает.

– Расскажи мне, может, тогда я расскажу тебе, – говорит Мальчик-Загадка, уворачиваясь от беспощадных пальцев и держа в руке окурков макоњи. Эдсон надеется, что в один прекрасный день он перестанет быть чьим-то Мальчиком, превратится в Мужчину или даже в Капитана.

– Хорошо. Ложись обратно в постель. Но ты ведь расскажешь мне? – Он накрывает ладонями встав-

ший член Мальчика-Загадки и начинает историю.

По словам Капитана Великолепие, существует два типа вычислений: выполнимые и разорительные. Здесь, как и на любом другом предприятии, время – деньги, поэтому нужно понимать, сколько часов потребуется на твои подсчеты, будут ли они завершены сейчас или же им понадобится срок, превышающий жизнь этой вселенной. Удивительно, но огромное количество повседневных задач попадает во вторую категорию и называется НП-задачами. Наиболее распространенной проблемой, к примеру, является факторизация целых чисел на простые множители.

Мальчик-Загадка говорит:

– Про простые я знаю. Это такие волшебные числа, из которых строятся все остальные. Типа химических элементов, но только в математике.

– Хорошая аналогия, Сестинью, – говорит Капитан Великолепие. – Легко и просто перемножить два простых числа, неважно, насколько они велики, пусть даже в них сто тысяч цифр. Но разложить полученное произведение обратно уже не так просто – это мы и называем факторизацией. Существует множество математических трюков, чтобы устранить те числа, которые очевидно не годятся для нашей задачи, но в какой-то момент все равно приходится делить исходное число на все нечетные, пока не получится це-

лое. Если добавить всего один знак к исходному числу, то время, необходимое компьютеру для вычислений, увеличится в три раза. На расчет для числа из двухсот пятидесяти знаков даже самой быстрой машине потребуются больше десяти миллионов лет. И этим пользуются кодировщики. Скажем, можно легко взять два простых числа из двухсот пятидесяти знаков в качестве ключа к чипу арчида и перемножить их между собой. Но, чтобы одному компьютеру в одиночку разложить получившееся произведение с миллионным знакам на простые множители, во вселенной не хватит времени.

Однако квантовые компьютеры могут решить задачу за миллисекунды. А что, если разделить число, факторизация которого займет десять миллиардов лет, между разными машинами?

– У десяти компьютеров на решение уйдет миллиард лет. У миллиона— тысяча. У десяти миллионов— сто, а у сотни миллионов...

– По крайней мере в Сан-Паулу есть такое количество процессоров. Но с современным уровнем шифрования приходится сталкиваться с расчетами, которые займут в десять миллиардов раз больше времени. А на такое компьютеров во всем мире не хватит. Даже если бы каждый атом на Земле был крошечным нанокomпьютером, мощности все равно не хва-

тило бы.

– Но есть фантомные вселенные, – догадался Мальчик-Загадка.

Дождь хлещет по крыше, а потом идет на убыль. Вода капает с карнизов. Солнце пробивается через ставни.

– Именно. На квантовом уровне вселенной – всех миров в составе мультивселенной – обнаруживается то, что мы называем когерентностью. По сути отдельные частицы в других вселенных – это одна и та же частица, просто в разных аспектах. И они делят между собой информацию, состояние, в котором находятся. А если есть информация, значит, можно проводить вычисления.

– Она говорила про десять в восьмисотой степени вселенных. А еще там была какая-то светящаяся штукавина, которую сохраняли в холоде. – Он думает о лягушках, способных видеть квантовые миры.

– Похоже на высокотемпературный конденсат Бозе – Эйнштейна, материю в квантовом состоянии. Такая установка может производить расчеты... дай-ка подумать... во вселенных числом десять в стотысячной степени. Многовато для сумочки. Это же почти что универсальный квантовый компьютер. Большинство таких машин имеют специальное назначение, они взламывают алгоритмы шифрования. Но универ-

сальный компьютер куда более мощный и опасный зверь.

– А что можно сделать с его помощью?

– Да все что угодно. К примеру, любой государственной тайне последних трех лет теперь грозит разоблачение. Определенно Пентагон, Белый дом, ЦРУ, ФБР тоже в деле. Но самое главное, такая машина могла бы создать что-то вроде, можно сказать, универсального симулятора, который способен проникать на квантовые уровни. А есть ли разница между настоящей бурей и ее моделью?

Мальчик-Загадка пытается представить ураган, который дует между мирами. Он содрогается и говорит:

– Думаешь, она в опасности?

Капитан Великолепие в своем костюме из спандекса пожимает плечами:

– Да кто может чувствовать себя в безопасности в наши-то дни? Каждый по умолчанию в чем-то виновен. Черт, да тебя могут раскромсать на куски просто ради телешоу. Но гринго и правительство ревностно охраняют свои квантовые технологии. Если она использует нелицензированную машину, то кто-нибудь обязательно заинтересуется. Даже в университете Сан-

Паулу за квантовыми ядрами так пристально следят, что приходится брать с собой офицера служ-

бы безопасности. Опасную девицу ты себе нашел, Сестинью. Так кто она, эта Квантовая девушка?

– Ее зовут Фиа Кисида.

Такое впечатление, будто какая-то неведомая сила и впрямь превратила Капитана Великолепии в реального супергероя, поскольку он взлетает над кроватью. Мальчик-Загадка видит, как Персик зависает в воздухе. Капитан Великолепии наклоняется над Мальчиком-Загадкой, и спандекс вокруг его рта раздувается от дыхания. Он нащупывает молнию, расстегивает ее и высвобождает седеющие кудрявые волосы.

– Что ты сказал? Фиа Кисида? Фиа Кисида?!

22 июля 1732 года

– Так, значит, вы – фехтовальщик, – сказал епископ Гран-Пара, когда Льюис Квинн прикоснулся губами к кольцу, – Моложе, чем я ожидал. И крупнее. Большинство моих знакомых фехтовальщиков были мелкие, тощие, как цыплята. Слабаки. Но я уже давно понял, что зачастую крупные мужчины могут похвастаться проворством.

– Моя шпага осталась в другой жизни, Ваша милость, – ответил Квинн, разогнувшись, и встал, покорно сложив руки.

В покоях епископа Вашку да Машкареньяша, об-

ставленных резной мебелью из токантинского дерева насыщенно красного и черного цвета, царил полумрак. У херувимов и серафимов были пухлые африканские губы и носы, индейские глаза и скулы. Жара стояла гнетущая, свет за закрытыми ставнями казался мучительным.

– Ваш орден считается военным, разве нет? Разумеется, я не могу заставить вас, но для вашего общества было бы лучше казаться более мужественным. Бразилия уважает силу, и ничего, кроме силы. Здесь в изобилии здоровяки – такие праздные туши, выросли из капитанов и сколотили состояние, – которые воображают себя злодеями со шпагой. Да, к чему я это: я хочу организовать соревнования.

– Ваша милость, я отрекся...

– Конечно, отреклись. Деревянные шпаги, хороший укол в мягкое место, большего не нужно. Было бы неплохо показать этим напыщенным индюкам, что к чему. Научить их уважению к церковной власти и заставить держаться подальше от девушек-индианок. У нас тут мало новшеств, как вы понимаете. – Епископ поднялся с резного кресла. Деревянная ножка громко скрипнула, скользнув по камню. – Вы же любите спорт, святой отец? Расскажу вам кое-что. Тут есть отличная игра, с ней нас познакомили индейцы. Играют в нее мячиком из надутого каучука, но лучше всего эта игра

дается черным. В мяч играют только ногами, хотя разрешено отбивать головой, но только не руками, руками ни-ни. Закатываете мяч в ворота противника ногами. Потрясающее зрелище. Пройдемте в сад, в помещении в это время суток невыносимая жарыща.

Епископ Вашку был крупным мужчиной, но не мог похвастаться проворством. Он обильно потел, пока семенял по тенистым дорожкам. На декоративных панелях из раскрашенных вручную бело-синих португальских изразцах «азулежу» были изображены аллегории библейских добродетелей. Фонтан бил тонкой струйкой в центре потертых известняковых плит, и его журчание казалось хрупким и глубоким, словно годы. Птицы посматривали и кричали с карнизов.

– Жаль, что вас прислали не ко мне, Квинн. Иногда мне хочется, чтобы Белен стал псом, чтобы можно было потрясти его за шкуру. Здесь кругом разврат и жадность, скажу я вам, разврат и жадность. Жадность до золота, не только до золота Вила-Рики, но и до красного и черного золота, особенно сейчас, когда бушует чума и бешенство. Вы знаете, о чем я. У нас тут с дюжину, ну или с полдюжины миссионеров, даже один проверяющий из Святой Палаты! Это всех столкнет лбами. Я слышал, что вы поругались по поводу носильщиков в Сиададе-Байша. Именно это нам и нужно, Квинн, именно это. Поездка была утомитель-

ная, как я понимаю?

– Ветра мешали течениям, ваша милость, но я не моряк. Я проводил время в молитве и подготовке.

– Да, здешние капитаны говорят, что быстрее и проще доплыть до острова Мадейра, а потом до Беле-на, чем по беспокойному морю у берегов Пернамбуку. Скажите, а что такое произошло, что потребовалось спешно отправлять адмонитора из Коимбры? Я знаю про француза. Да и как не знать, если он порхает по променаду, словно бабочка, со своими безделушками и всякой ерундой.

– Ваша милость, это деликатный вопрос.

Епископ Вашку резко остановился, лицо его покраснелось не только из-за полуденной жары. Он постучал посохом по камням. Птицы тут же взметнулись с карнизов от внезапного шума. В темных дверных проемах появились лица.

– Чертов иезуит... это все из-за Гонсалвеша, да? Не отвечайте, я не хочу заставлять вас лгать. Храните свои иезуитские секреты. Я черпаю сведения из своих источников. – Он опустил голову, пот тек ручьем из-под парика. – Простите, отец Квинн. Я становлюсь невоздержанным от этой жары и. этой страны. Поймите одну вещь. В Бразилии все по-другому. Даже в этом городе общество Иисуса, францисканцы и кармелиты вряд ли смогут договориться между собой о

статусе, а в верховьях Амазонки и вовсе царит неприкрытая вражда. Святая Церковь – не более чем движущая сила, что работает на душах краснокожих и на их плоти. Что такое? Что вам нужно?

Секретарь преклонил колени перед епископом, протягивая ему какие-то бумаги на кожаном подносе.

– Хм, другие дела требуют моего внимания. Что ж, отец Квинн, я отправлю вам инструкции по поводу тех соревнований, о которых упоминал. Я даже готов сам рискнуть и сделать ставку. Не терпится увидеть вас в деле.

Епископ изобразил посохом удар шпаги, когда Льюис поклонился, а потом, не дожидаясь возражений, тяжело поковылял за секретарем в белом одеянии в удушливый полумрак.

* * *

Вер-у-Пезу взревел от смеха, когда краснокожий юноша в поношенной рубашке развалился на мостовой, получив пинок по заду ботинком. Красный смех, черный смех доносился с бесконечных телег на ближней к городу стороне широкого причала, рядом с которым корабли и паромы с верховий Амазонки и Токантинс были пришвартованы в четыре ряда. Белый смех долетал из носилок и временных пьедесталов, уста-

новленных на бочках и досках. На улице и на ступеньках, везде вокруг Квинна, раздавался мужской смех. А с деревянных балконов разноцветных домов фейторов и постоянных дворов, бесстыдно открытых жаре и чужим взглядам, доносился женский. Льюис стоял с победоносным видом перед каменным пьедесталом для рабов. Друзья под насмешки рабов оттащили юного участника прочь с арены. Это был толстый надменный сынок пробившегося наверх плантатора с претензией на дворянство. Его унизили в двух состязаниях, Квинн с деревянной шпагой гонял его по всей четырехугольной площадке, словно карнавального шута, а тот визжал и всхлипывал под хохот зрителей, бившихся в конвульсиях. Последний удар. «С глаз моих долой!» Квинн смотрел на довольные лица. Разный цвет кожи, но рты открыты одинаково: алые, жадные. Подняв взгляд, он увидел глаза над порхающими веерами и бисерными вуалями. Льюис прошел вдоль арены, поднимая руки под хвалебные крики жителей Белен-ду-Пара.

– Некоторые мужчины носят свои грехи на лицах, – сказал епископ Вашку, сгорбившийся на кресле и дико потевший, несмотря на отделанный бахромой навес, закрывавший его от растопленного солнца, и усилия двух мальчиков-рабов, орудовавших веерами из

перьев.

– Женщины? – спросил королевский судья Рафаэл Пиреш де Кампош. Благородный член братства Милосердия¹¹⁸, изгнанный в эту отсталую и чумную страну, он страстно увлекался любым видом спорта, который мог нарушить монотонность жизни алчных фрейторов. Все в Гран-Пара знали, что Пиреш де Кампош финансирует вылазки епископа в область частной морской торговли и что епископальный флот неоднократно грабили голландские пираты с острова Кюрасао.

– Нет, мой друг, тут дело в гордыне. Да, уверен, что наш адмонитор был тот еще нахал. Еще пятьдесят эскудо! Как вы вообще могли подумать, что этот толстый увалень сможет победить иезуита? Наличными или в кредит?

– Вычтете из общей суммы. А откуда он, этот иезуит? Станный акцент.

– Из Ирландии.

– А где это? Не знаю страны с таким названием.

Епископ Вашку объяснил, где находится Ирландия, и вкратце рассказал о бытующих там суровых зако-

---

¹¹⁸ Братство Милосердия – монашеское и религиозное общество, основанное в Италии после чумы 1548 года на принципах всеобщей доброты и помощи. Цель братства изначально была в бескорыстной помощи страждущим и больным и полностью анонимной благотворительности.

нах против еретиков. Пиреш де Кампош поджал губы и покачал головой:

– Ваша милость, не могу похвастаться мудростью, однако мне кажется, это хорошо, что ваш иезуит вскоре покинет Белен. Несмотря на духовный сан некоторые с радостью пристрелили бы его прямо в постели.

Квинн умыл лицо и прилипшие от пота волосы, зачерпывая воду в бочонке у уличного продавца. Состязания закончены, собравшимся придется подождать следующей продажи рабов. Толпа пришла в движение, стряхнула с себя пыль и уже хотела закрыть ставни, но единый порыв рассеялся, когда какое-то движение на рыночной площади со стороны порта привлекло всеобщее внимание. Овации переросли в бурное улюлюканье, и на арене появился худощавый мужчина. Его наряд граничил с пижонством – европейский, слишком изысканный для Бразилии. Кроме того на носу красовались зеленоватые круглые очки, которые вызвали пересуды и веселье среди зрителей. Мужчина отвесил сложный поклон.

– Отец Льюис Квинн?

Иезуит кивнул. Вода смешивалась с потом, капающим с лица. Он стоял на арене и под палящим полуденным солнцем понял, что внутри него поднимается жаркая радость, словно приливная волна, зной снаружи усиливал горячку внутри. Хватит. Но он никогда

не уходил от поединка, с Богом или с человеком.

– К вашим услугам, святой отец. Я доктор Робер Франсуа Оноре Фалькон, географ и геометр Французской академии наук в Париже, прибыл в колонию с визитом. Я так понимаю, вы владеете шпагой. Я же тренировался у самого фехтмейстера Тейагори в Париже и рад был бы возможности попробовать свои силы против вас.

– Хорошо, месье, – ответил Квинн по-французски. – Я с превеликим удовольствием сражусь с человеком, который в состоянии произнести правильно мое имя. Надеюсь, вы не возражаете, если вас победит священник?

Толпа загудела в знак одобрения.

– Не думаю, что ваш воротничок защитит вас, – сказал Фалькон, передавая трость, шляпу, парик и тяжелый плащ своему рабу, оставив только забавные очки, скрывавшие душу, – Я происхожу из семьи отъявленных вольнодумцев.

Квинн поднял деревянную шпагу в знак приветствия. Фалькон поднял оружие, брошенное предыдущим участником, и ответил на приветствие. Оба положили свободную руку за спину и начали кружить по арене. Вер-у-Пезу замолчал, словно бы пораженный ангелом.

– Еще пятьдесят на иезуита, – сказал епископ Ваш-

ку.

– Да? А мне кажется, этот французик еще его удивит, – Пиреш де Кампош аккуратно промокнул потное лицо надушенным платком. – Видите?

Зрители вокруг арены громко ахнули, а потом закричали от радости, когда Квинн сделал выпад не вовремя, а Фалькон проворно уклонился и ткнул священника деревянной шпагой в спину, когда тот остутился. Льюис покачал головой, улыбнулся и восстановил равновесие. Двое мужчин продолжили кружить на жаре.

– Ваш парень все утро отбивался от разных пройдох. А французик свеж, как букетик цветов, – прокомментировал Пиреш де Кампош, а потом понял, что сидит сжав в кулаке носовой платок, горло его сжалось для крика, когда Фалькон провел серию потрясающих ложных выпадов, прогнав Квинна по всей арене, а потом атаковал стрелой, да так, что затаивший дыхание епископ Вашку чуть было не вскочил с кресла. Напряжение переросло в удивление, а потом и в изумление, поскольку иезуит отпрянул назад и увернулся от разящей шпаги. Оба упали на мостовую и покатались, но ирландец первым поднялся на ноги. Кончик его деревянной шпаги уперся в икру Фалькона, затянутую в чулок.

– В Париже это не считалось бы, – буркнул геометр,

вставая и отпрыгивая от Квинна.

– Как видите, мы не в Париже, – сказал Квинн и, радостно заливаясь смехом, как безумец, нанес целый шквал ударов, оттеснив француза к кромке воды.

– Очень искусно даже для иезуита! – воскликнул тот, перехватывая шпагу Квинна и отворачивая ее в сторону. Как только между противниками появился зазор, маленький француз прыгнул и пнул священника в грудь. Иезуит сделал шаг назад, в сторону центра арены. Вер-у-Пезу превратился в круг ревущих голов.

– Тейягори такому не учил, – парировал Квинн.

Они снова стояли лицом друг к другу, держа шпаги на изготовку. Действие и противодействие, выпад и отражение, круговое движение и финт. Колкие замечания и остроты превратились в мычание и вздохи. У епископа Вашку побелели костяшки, так сильно он вцепился в золоченый набалдашник своего посоха. Крики зрителей постепенно смолкли, настолько все были поглощены действием. Развернулась настоящая битва. Квинн кружил перед франтоватым пританцовывавшим французиком. Ярость поблескивала, как далекие летние молнии, распугивающие облака. Льюис то наступал, то отступал. Он смахивал пот с кончиков спутанных волос. Он устал, ужасно устал, и каждую секунду солнце иссушало его силы, но не он

мог позволить, чтобы этот маленький человечек победил его на глазах рабов и их мелких хозяев. И снова отозвалась знакомая злость, старый друг, сила неведомо откуда, за гранью добра и зла. «Я приду. Я ведь никогда тебя не подводил». Все солнце над площадью стекло воедино и горело в животе, сведенном судорогой тошноты. Квинн увидел себя словно со стороны, как он надвигается на этого пританцовывающего фехтовальщика, как одним ударом выбивает его смешную палку, опрокидывает наземь, протыкает концом деревянной шпаги грудную клетку насквозь, пронзая органы. Льюис резко распрямился, его глаза были широко открыты, ноздри раздувались. Разогнул левую руку, она повисла вдоль тела. Затем поднес шпагу к лицу, коснулся носа и отбросил ее на мостовую. Фалькон замялся. «Что там в этих глазах за зелеными очками?» – подумал Квинн. Француз кивнул, хмыкнул, отсалютовал шпагой и бросил ее рядом с оружием соперника.

Публика свистела и кричала с неодобрением. Сверху начали сыпаться фрукты, взрываться ароматами на раскаленной арене. Боковым зрением Квинн видел, как рабы Вашку поспешно унесли епископа на носилках. Кто-то из его приближенных остался и яростно спорил со слугами фидалгу в бледно-голубом одеянии. «Ты послал мне испытание, и я прошел его, –

подумал Льюис Квинн. – Бразилия уважает только силу, но сила ничто, если лишена контроля».

Фалькон поклонился:

– Что ж, святой отец, жду с нетерпением нашего совместного вояжа. Нам многое нужно исследовать.

Град насмешек, летящий на дуэлянтов, постепенно стих, когда зрители начали расходиться. Порядок восстановился. Тропические плоды гнили на солнце, тошнотворно воняли, привлекая мух. Одна за другой дамы Пелоуриньо закрыли желозияс¹¹⁹.

* * *

Дона Мариа да Маиа да Гарна снова перевела взгляд с лимона на апельсин.

– Расскажите мне еще раз, как часы могут поведать нам о том, вытянут наш мир или же он плоский. Уверена, со второго раза я точно пойму.

Доктор Фалькон вздохнул и снова установил маятник. Дона упорствовала из вежливости перед своим образованным гостем, остальные дамы уже давно оставили демонстрацию и вернулись к своим бессодержательным светским разговорам, которые никогда не надоедали, хотя женщины виделись ежеднев-

---

¹¹⁹ Деревянные ставни на окнах колониальных домов.

но. Пять месяцев Фалькон прозябал, не желая того, вдали от общества, жил в гниющем доме у океанских доков, ежедневно подавая прошения бюрократам и чиновникам, чтобы ему дали разрешение на то и документы на это, но всякий раз его отправляли восвояси, требуя дополнительных бумаг, сведений и письменных показаний. А теперь пришествие этого иезуита устранило все препятствия, разрешения и поручительства доставили в тот же день со специальным посыльным, а двери в высший свет, доселе плотно закрытые на засов, распахнулись. Фалькон подозревал, что его познания в географии и геометрии интересуют людей куда меньше, чем тот факт, что он – француз, владеющий искусством борьбы. Дона Мариа и правда надеялась устроить после ужина небольшое состязание. Черный раб из района Баия, знавший боевой танец, был готов, и под такое событие на сахарном складе расчистили площадку. Пока что все навыки, какие продемонстрировал француз, сводились к паре лионских фокусов с ножами для рыбы, которым может научиться любой желающий на побережье Атлантики. Вместо этого она наблюдала, как маятник покачивался – тик-так-тик-так, – пока гость держал в правой руке лимон, а в левой апельсин.

– Ньютоновская сила притяжения – гравитационная сила, – действующая на маятник, прямо пропор-

циональна расстоянию от центра тяжести, который притягивает его, – в данном случае центр Земли. Мой маятник – увы, ваш часовой механизм слишком груб, чтобы ощутить какие-то изменения, – будет вибрировать быстрее, если находится ближе к центру Земли, и медленнее на отдалении.

Чернокожий слуга по имени Жуан стоял бесстрастный, как смерть, у двери в столовую, сохраняя то же суровое выражение лица, как и тогда, когда доктор Фалькон метался, словно ящерица, осматривая все часы в доме хозяев, приподнимая странные зеленые очки, чтобы взглянуть на них поближе. Брови Жуана слегка приподнялись, когда француз открыл немецкие напольные часы, трофей хозяина, по которым сверяли все время в доме, и ловко отцепил маятник.

– Таким образом, мы имеем чувствительный механизм, который поможет установить, какую точную форму имеет наша планета, вытянута ли она, как лимон – то есть по полярной оси, – или же сплющена у полюсов, как этот апельсин.

На другом конце стола раздался смех. Это дона де Теффе оживилась от выпитого вина. Доктор Фалькон ответил кивком головы. Его губы едва коснулись бокала. Вино плохо влияло на организм по такой нездоровой жаре, кроме того в бокале плескалось никудыш-

ное португальское пойло. Но было очень приятно, необычно приятно отужинать в компании дам. Неслыханное дело во Франции, даже в Кайенне не позволяли себе таких вольностей. Но, как ему постоянно напоминали, Амазонка – это другой мир, и иногда по делам торговли сеньоры и португальские купцы уезжали из города на несколько месяцев.

– Да, да, простите, доктор. Наверное, я глупая. Все это прекрасно, математически и научно, я не сомневаюсь, но это не объясняет мне, что удерживает его в воздухе.

– Удерживает его? – Озадаченный Фалькон глянул поверх круглых зеленых стекол.

– Лимон. Или апельсин. Теперь я понимаю, почему он вращается вокруг солнца: эта ваша сила тяготения, она привязывает нас к светилу и ничем не отличается от болас¹²⁰, которыми пользуются вакейру¹²¹ на нашей фазенде. Но я не могу понять, что держит планету в воздухе, почему мы не падаем без конца в вакууме.

Фалькон отложил фрукты. С его губ сорвался вздох раздражения:

– Ничто не держит, мадам. В этом нет необходимо-

---

¹²⁰ Охотничье метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны обёрнутые кожей круглые камни и т. п.

¹²¹ Погонщики крупного рогатого скота.

сти. Гравитация притягивает нас к центру Земли так же, как Землю к Солнцу, но и оно, в свою очередь, притягивается к центру Земли. Все ко всему притягивается и пребывает в движении, все вместе.

– Должна признаться, старое объяснение казалось мне проще и убедительнее. – Дона ловко разрежала апельсин на четвертинки и почистила острым изогнутым ножичком. – Мой ум протестует против круглой Земли, когда все притягивается к темному инфернальному центру. Это не только противно природе, но и не по-христиански: если мы к чему-то должны притягиваться, то разве не к небесам, где наш дом и надежда?

Фалькон прикусил язык и не стал отвечать. Это не Парижская академия и даже не встреча Лунного общества¹²² в каком-нибудь буржуазном салоне. Он удовлетворился зрелищем того, с каким чувственным мастерством хозяйка дома ест дольки очищенного апельсина, того, как они проскальзывают между ее раскрасневшихся губ. «И вы еще называете небеса своим домом и надеждой?» – подумал он. Дона да Маиа да Гарна с облегчением переключилась с лимонов и ада на беседу, ведущуюся за дальним кон-

---

¹²² Клуб и неофициальное учёное сообщество видных деятелей британского Просвещения.

цом стола. Ее служанка, высокая прету¹²³ с повязкой на глазу, некогда красивая, но теперь сильно располневшая, наклонилась со своего места за креслом доны, чтобы изучить маятник. Француз заметил, как она прижала большой палец к запястью, чтобы соотнести движения маятника с собственным пульсом. Даже во время необъявленного домашнего ареста Фалькон довольно близко сошелся с обществом Белена, чтобы понимать, что значат повязки на глазу. Ревнивые жены часто мстили любовницам-рабыням, ослепляя их ножницами.

– Простите, святой отец, я прослушала, что вы сказали, – проворковала дона Мариа, обращаясь к Квинну.

Даже в черной сутане священника Квинн был центральной фигурой за столом, притягивая к себе внимание и разговоры, словно от него самого исходила сила человеческого притяжения. Он выдержал взгляд хозяйки дома без следа ложной религиозной скромности, что так раздражало Фалькона. Сама дона даже не вздрогнула, глядя на него. «Как мужчина», – подумал француз.

– Я просто рассказывал об одной очень интересной лингвистической особенности моего родного язы-

---

¹²³ Клуб и неофициальное учёное сообщество видных деятелей британского Просвещения.

ка – я про ирландский. В ирландском нет слов «да» и «нет». Если вам задают вопрос, то вы можете лишь подтвердить или опровергнуть спрашивающего. К примеру, на вопрос «Вы едете в Голуэй?» можно ответить: «Я на самом деле еду в Голуэй».

– Должно быть, из-за этого разговоры становятся утомительными, – заметила дона.

– Нисколько, – ответил Квинн. – Просто ирландцу очень сложно сказать вам «нет».

За столом зазвенел женский смех. Фалькон испытал укол зависти к небрежному флирту Квинна. Кому меньше всех нужно, больше всех дается. Он всегда наслаждался женским обществом и считал себя мастером беседы с острым языком и не менее острым умом, но иезуит очаровал весь стол, он присоединялся к разговорам, слушал и заставлял каждую из дам почувствовать, что она единственная завладела его вниманием. «Искусство лингвиста или распутника?» – задумался Фалькон. А сейчас Квинн заворочил всех ритмичным монологом, читая длинное стихотворение на родном языке.

– Это любовное стихотворение? – спросила дона.

– А разве другие заслуживают декламации?

Раздались аплодисменты. Фалькон лениво вонзил в ненужный и забытый лимон маленький нож, после чего заметил:

– Мой дорогой отец Льюис, разве неспособность сказать «да» или «нет» не демонстрирует напрямую связь между языком и мышлением? Ведь слово – это сама мысль, и наоборот, если вы что-то не можете сказать, значит, не можете и подумать об этом.

Разговор стих. Гости озадаченно нахмурились. Отец Квинн постучал указательным пальцем по столу и наклонился вперед.

– Мой коллега-доктор сделал очень интересное замечание. Одна из привлекательных черт Амазонки – для лингвиста вроде меня, а не для общества в целом – это богатство языков. Насколько я понял, вдоль дальних притоков живут индейцы, у которых нет слова для синего цвета и никаких терминов родства, кроме «сына» и «дочери», нет категорий прошлого и будущего. Было бы интересно обсудить, как это влияет на их восприятие мира. Если они не могут сказать «синий», то могут ли увидеть синий?

– Да, и об их духовных способностях, – подхватил Фалькон. – Если у них нет категорий прошлого и будущего, какой смысл тогда имеет доктрина первородного греха? И как они могут воспринять идею о жизни после смерти? Нет рая, нет ада, только вечное настоящее? Но тогда нет и вечности, то есть чего-то за границей времени. Может, они уже живут в раю, в безгрешной невинности? Наверное, незнание и впрямь

может быть благословением.

Некоторые дамы начали усиленно обмахиваться веерами, им стало неловко от провокационной и радикальной речи за столом. Никто из ныне живущих не мог припомнить визита Святой Палаты в Ресифи, но в памяти народа все еще саднила рана от аутодафе¹²⁴ на Праса, и сетования епископа Вашку против пороков Белена вызывали тревогу. Хозяйка чинно добавила:

– Я слышала, что откуда-то привезли таких отсталых песас¹²⁵, что они за раз могут выразить только одну идею. Такое впечатление, что каждое предложение для них – это отдельная мысль. Мы можем понимать их язык, хоть и с некоторым трудом, но они никогда не смогут понять наш. Это то, о чем говорит доктор Фалькон: если ты не можешь что-то произнести, то не можешь и подумать об этом. Кто вообще придумал привезти сюда этих созданий? Они совершенно бесполезны для работы.

Доктор Фалькон собрался что-то ответить, но тут вошел управляющий Анункан, потрещал небольшой деревянной погремушкой, чтобы привлечь всеобщее

---

¹²⁴ Торжественная религиозная церемония, включавшая в себя процессии, богослужение, выступление проповедников, публичное покаяние осужденных еретиков и чтение их приговоров.

¹²⁵ Рабы.

внимание, и объявил, что сейчас подадут кофе под музыкальное сопровождение.

– Ох, я совсем забыла! – воскликнула дона, радостно хлопая в ладоши. – Святой отец, вам очень понравится. Это просто прелестное создание, воистину ангельский голос.

Служанки налили кофе из серебряных кофейников, вытирая капли с чашек мягкими хлопковыми тряпками. Анункан привел крошечного индейского ребенка, худенького, в грубой белой робе. Фалькон не смог понять, мальчик это или девочка. Дитя встало на колени и поцеловало каменную плиту.

– Купили за бесценок в портовой таверне. Бедное дитя было на грани смерти. Очевидно, жертва какого-то нелепого разграбления. Только иезуиты, прощу прощения, святой отец, учат так петь. Пой, дитя мое!

Ребенок стоял, вытянув руки вдоль тела, в его глазах читалось что-то отдаленно животное. Раздался голосок, такой слабенький, такой далекий, словно бы исходил он не из открытого рта, а из тайного места за пределами Земли и неба. Фалькон давно уже отдал рабам свой парик из-за ужасной жары и теперь ощущал, как буквально зашевелились короткостриженные волосы на загривке. Голосок достиг совершенства, ребенок исполнял «Аве», но какого-то неизвестного Фалькону композитора; ритм произведения был

сбивчивым, тактовый размер – подвижным и непостоянным, а гармонии – тревожащими и диссонирующими. Тем не менее Фалькон почувствовал, как слезы потекли ручьем по лицу. Когда он посмотрел на ту сторону стола, то увидел, что Квинн так же тронут. А женщины Белена сидели как камни, неподвижные камни. Служанки, стоявшие за каждой из дам, отводили глаза от белой расы. Несмотря на заявление доны, это не был голос ангела. Он долетал из кого-то более глубокого и древнего места, это был зов далекого леса, реки, детский голос, который можно найти, если проплыть по этим водам на невольничьи рынки Белен-ду-Пара.

Пока ребенок пел, Жуан забрал маятник, лежавший перед доктором Фальконом, и, стуча каблуками по камню, пошел вернуть его в нутро хозяйских часов.

Богоматерь Мусора

25–28 мая 2008 года

Последний из Настоящих Кариока забросил леску с грузилом в розовую воду залива Гуанабара. Это был Час Йеманжи¹²⁶. Солнце еще не выглянуло из-за холма на другой стороне, а такое розовое зарево встречалось только на туристических фотографиях, тех самых, на которых тощие мальчишки в шортах-бермудах кувыркались на пляже. Фонари еще горели вдоль парка Фламенгу и на изгибе Ботафогу, словно линия прибоя из бриллиантов вокруг подножия морру. Огни машин скользили по мосту Нитерой. Ночные рейсы, словно карнавальная процессия, приземлялись на посадочную полосу аэропорта Сантус-Дюмон, сами самолеты казались изысканными и длинноногими пауками-охотниками в мерцающем свете. От членов братства Рыбаков Зари виднелись лишь силуэты, элегантные, как журавли, они замахивались и забрасывали удочки, а тяготы возраста стирал рассвет. Их

---

¹²⁶ В мифологии йоруба богиня-мать, покровительница женщин, воплощение реки Огун. Данный культ широко распространился среди чернокожего населения Латинской Америки, слившись с католической традицией почитания Богоматери.

тихие голоса разносились по сладостно-опьяняющему воздуху, а грохот самолетов, когда те один за другим разгонялись перед взлетом, постепенно стихал. Марселина вдруг поняла, что сама говорит шепотом. Среди холмов выли полицейские сирены, а струйка дыма от горящих покрышек в воздухе лишь усиливала ощущение ритуальности. Марселина не была так близка к просветлению с тех пор, как снимала «В погоне за НЛО» в Вале-ду-Аманьесер¹²⁷. Розовый превратился в лиловый, а потом и в темно-синий, когда вошло солнце.

– Я знаю сотню историй про Кубок мира, – сказал Раймунду Суарес, наблюдая, как грузило нырнуло в сверкающую воду.

Он утверждал, что является последним профессиональным кариока: немного журналист, немного писатель, написавший хорошую книгу о босанове и отличную книгу «Феноменальный Рональду», а еще посредственный гид, обучающий всех желающих как быть профессиональным кариока. Немного рыбалки с утра вместе с братьями, немного кафезинью, когда станет совсем жарко, несколько сот слов на ноте, а остаток дня он проводил в кафе, наблюдая

---

¹²⁷ В переводе означает «Долина Рассвета». Это религиозная община мистического толка, созданная в 1969 году и насчитывающая ныне около десяти тысяч человек.

за какой-нибудь задницей, направляющейся на пляж или гуляющей по городу, запоминая ее, увековечивая в памяти. По вечерам приемы, вечеринки, открытия, многочисленные любовницы. Поздний сон и снова подъем на рыбалку. Он утверждал, что никогда не носил ничего, кроме серферских футболок и шорт-бермудов, уже двадцать лет, даже на похоронах собственной матери. Он был бездельником, маландру, которому не нужно особо стараться, кариока в квадрате, его уже давно надо было сделать Национальным Достоянием.

– Это правда. Дэвид Бекхэм приезжает в Рио: он планирует сыграть на стадионе «Маракана» в честь Пеле. Он – гость Бразильской федерации футбола, поэтому с ним и жена, и дети. Его селят в «Кобакабана Пэлэс»¹²⁸. Все к его услугам: президентский люкс, частный лимузин и все такое. Но вот однажды вечером Бекхэм выходит погонять мяч на пляже, и тут на него нападают бандиты. С пушками. Раз, два, три, сажают в машину и увозят. Похищают. Прямо под носом у охранников. Бекхэм сидит на заднем сиденье у этих маландру с позолоченными пушками и думает: «Боже, мне крышка! Пош Спайс¹²⁹ – вдова, а Бруклин и Ромео вырастут без отца». Короче, они везут его в Ро-

---

¹²⁸ Самый известный и престижный отель в Рио-де-Жанейро.

¹²⁹ Прозвище Виктории Бекхэм, «Шикарная перчинка» (англ.).

синью по Эстрада да Гавеа, а дальше сворачивают на дорогу поменьше, а потом еще раз, пока не подъезжают к такому крутому и узкому проулку, что дальше просто не проехать. Его выволакивают из машины и тащат вверх по лестнице под дулом «узи», парни готовы пристрелить любого, кто только посмеет высунуть нос из дома. Выше, выше и выше, на самый верх фавелы. В итоге его заводят в одну из этих крошечных бетонных комнаток под сенью деревьев, а там Бен-те-ви, наркобарон. Это было еще до того, как его пристрелили. Короче, стоит он там и смотрит на Бекхэма так и сяк, словно на машину, а потом делает знак одному из своих ребят, который держит большую сумку. Бекхэм думает: «Иисус и Мария, что у них там?» Бен-те-ви встает позади него, а из сумки достают Кубок, настоящий, из золота. Прикинь, прямо из сумки. Бен-те-ви берет его с одной стороны, а тот парень достает цифровую камеру и приказывает: «Улыбайтесь, мистер Бекхэм!» Щелк! Вспышка! Затем Бен-те-ви поворачивается к Бексу¹³⁰, пожимает ему руку со словами: «Спасибо вам, мистер Бекхэм, это настоящая честь... Ой, кстати... Если кто-нибудь когда-нибудь об этом узнает...»

Раймунду Суарес хлопает себя по бедру и вертится на маленьком раскладном стуле. Это приземистый

---

¹³⁰ Прозвище Бекхэма.

человек с крупными чертами, у него мускулистые руки, а волосы, подозревает Марселина, черные скорее от краски, чем от природы. Рыбаки Заката улыбнулись и закивали. Они слышали его историю уже сотню раз, для них это как скучная ектенья.

– Это прекрасно!

– Эйтор Серра сказал, что вы, возможно, поможете мне с одной программой.

Марселина сидела на еще холодном песке, подтянув колени к груди. Раймунду Суарес прав: это лучшее время на пляже. Она представляет, как составляет компанию старым бесстыжим дедам с отвисшей грудью, одетым в плавки и в гавайские рубахи, из-под которых выбиваются седые волосы, и женщинам с мелированными волосами и кожей цвета каштана, уже немолодым, но все еще при полном макияже – все они приходили к утреннему морю и плавали. Нет лучшего и более правильного начала дня.

Хорошая идея, но ее мир и так лоскутное одеяло из хороших идей, у большинства из которых нет ног. Кофе и сигареты в садике на крыше, наблюдая, как другие выходят из моря, оставляя узоры капель на дорожках пляжа Копакабана. Профессиональные телевизионщики склонны слишком сживаться с темой. Когда она снимала программу про НЛО, то хотела сбежать и жить в юрте, продавая амулеты «патуа» страж-

дущим.

– И как он? Все еще убежден, что жизнь жестока, глупа и бессмысленна?

Марселина вспомнила, как ушла от Эйтора, обогнула на цыпочках его храп, больше похожий на предсмертные хрипы, и оделась, не включая свет, лишь отблески, отражающиеся от воды в лагуне проникали через балкон в квартиру на Руа Табатингуэра. Эйтору нравилось, когда Марселина расхаживала перед этим окном обнаженной, в чулках, сапогах и ажурном боди, которое он купил, а ей не хотелось признаваться, что боди ужасно врезается в задницу. Марселине нравился этот анонимный эксгибиционизм. Ближайшие соседи жили в километре на той стороне пруда. На большинстве балконов вдоль лагуны Родригу-ди-Фрейташ стояли телескопы на треногах. Пусть потешатся. Она никогда с ними не встретится. А Эйтора возбуждало именно то, что на них смотрели, и наблюдатели никогда не узнают, что квартира, в которой миниатюрная женщина гарцует в костюме путаны, принадлежит человеку, ежедневно рассказывавшему им о бунтах, ограблениях, цунами и террористах-смертниках.

Он тяжело, с рычанием, перекатился на другой бок и проснулся. Эйтор дошел-таки до кафе «Барбоза». Потом было пиво для Селсу и других членов ее команды, Агнетты и Сибеле, водка с гуараной для Мар-

селины, водка с мартини для Эйтора. Они не танцевали, и она не затрахала его до полусмерти.

– Куда ты намылилась в такую рань?

– На пляж. – Гуарана поблескивала за водочным мраком, словно молния. – Ты ж сам сказал, что лучше пораньше. Позвони мне потом.

Как солдаты или летные экипажи, журналисты умеют хвататься за любую возможность поспать. К тому моменту, как Марселина подошла к входной двери, Эйтор уже издавал этот странный задыхающийся стон, который в любой момент мог перерасти в слова или плач. В прихожей Эйтор держал свою библиотеку. Из-за книжных полок пространство уменьшилось бы настолько, что крупному мужчине в блестящем костюме стало бы тесно, так что книги – среди них попадались такие названия, как «Ключи от вселенной», «Длинный хвост¹³¹ и новая экономика», «Ежегодник клуба „Флуминенсе“ 2002», «Отрицание смерти» – возвышались в стопках до потолка, и некоторые подрагивали, когда Марселина кралась на цыпочках мимо. Один раз хлопнуть дверью посильнее, например после неудачного рабочего дня, – и книги обрушатся и задавят Эйдора своей концентрированной эрудицией.

---

¹³¹ Термин «длинный хвост» ввел в обращение Крис Андерсон в своей статье для описания успешных бизнес-моделей для Интернета.

– Да, и закончится слишком рано, – продолжила Марселина. – Эйтор сказал, что вы можете помочь мне отыскать Моасира Барбозу.

Рыбаки замолкли за своими удочками.

– Может, расскажете тогда, зачем? – спросил Суарес.

– Мы думаем, сейчас самое время простить его за Роковой финал, – солгала Марселина.

– Даже сейчас с тобой многие бы не согласились, но мне кажется, прощение опоздало на годы. Хотя программа про Мараканасо¹³² и сейчас вызовет немалый интерес. Разумеется, я тогда был слишком мал, но есть те, кто до сих пор помнит тот июльский вечер, и еще больше тех, кто продолжает верить в легенду. Есть один журналист в Арпоадоре, Жуан Луис, моего возраста, он нашел оригинальную запись того матча и сделал монтаж, будто бы мяч попадает в штангу, а потом из другого репортажа вставил эпизод, как Бигоде якобы выбивает мяч из штрафной зоны. Один парень помоложе вас снял короткометражку пару лет назад о футбольном обозревателе – думаю, он имел в виду меня, – который отправился назад во времени, чтобы попробовать изменить исход Рокового финала, но, когда ему это удастся, мяч все равно пролетает мимо Барбозы в сетку. Я даже слышал, как он рассказывал

---

¹³² Обиходное название матча между Уругваем и Бразилией в финале.

на «Дискавери» про квантовую теорию и параллельные вселенные. Говорил, что существуют сотни, тысячи вселенных, в которых Бразилия выигрывает Роковой финал. Я его толком не понял, но мне аллегория показалась симпатичной. Вот очень интересная история про Барбозу. Случилось это через несколько лет после финала, пока он еще не исчез из поля зрения. Он пригласил нескольких друзей по команде – всех чернокожих игроков, ну, вы понимаете, о чем я, – на барбекю. Было много пива, разговоров о футболе, и тут кто-то заметил, что дерево в мангале то и дело вспыхивает, трещит, и от него исходит специфический такой, химический запах. Он присмотрелся и увидел еще не догоревший кусок, выкрашенный белой краской. Барбоза изрубил на щепки ворота с Мараканасо и пустил на дрова.

– Правда? – Марселина сбросила туфли и зарылась ступнями в прохладный песок, ощущая шелковые песчинки между пальцами.

– Разве это имеет значение?

– А вы знаете, где он?

– Барбоза? Нет. Он с концами исчез где-то лет десять или пятнадцать назад. Возможно, даже умер. Некоторые утверждают, что видели его в торговых центрах, прям как Элвиса. Барбоза сейчас старик. Он старик вот уже пятьдесят лет. Если бы я думал, что

вы хотите обречь беднягу на публичный позор, то не подал бы вам руки. Он и так достаточно натерпелся. Но это.

– Нет, ничего подобного мы с ним не собирались делать, – Марселина соврала во второй раз.

– Даже Зизинью уже умер... Остался только один, кто может знать, – Фейжан-Боб.

– Он игрок или?..

– А вы и впрямь ничего не знаете, да? Он был физиотерапевтом, вернее, помощником физиотерапевта на испытательном сроке, а его отец работал в Спортивной конфедерации Бразилии и еще до того, как ее переименовали в Бразильскую конфедерацию футбола, нашел сыну работу в команде. Вообще-то он там ничего особо не делал, только губки в ведре мочил, но стал своего рода счастливым талисманом команды, игроки трепали его волосы перед выходом на поле. Паренек преуспел. Закончил карьеру командным врачом в клубе «Флуминенсе», а потом открыл свой небольшой спортивный клуб, который продал около пяти лет назад и ушел на пенсию. Мы встретились, когда я работал над книгой о Рональду и обществе спортивных журналистов. Вы, кстати, в курсе, что все закончилось судом? Меня обвинили в клевете по поводу длины члена Рональду.

Это правда, зашептали собратья по удочке.

– Разумеется, судья решил все в мою пользу. Если кто и знает про Барбозу, так это Фейжан. Он теперь живет в Нитерой. Вот его номер. – Раймунду вытащил маленький блокнот с резинкой из бокового кармана бермуд и нацарапал огрызком карандаша номер. – Скажете, что я вас направил, тогда он поговорит.

– Спасибо, мистер Суарес.

– Эй, вам понадобится кто-то, чтобы представить факты, а кто сделает это лучше, чем один из самых одаренных писателей и последний профессиональный кариока?

Да, он такой, хором вторили короли рыбалки. Он – маландру.

– Я замолвлю словечко. – Третья ложь Марселины.

Петух не кукарекнул, но поплавок Раймунду внезапно нырнул.

– Глянь-ка! – Он сдвинул кепку на затылок и склонился над удочкой. Когда Марселина оглянулась из тенистой зелени парка Фламенгу то увидела, как братья-рыбаки снимают улов с крючка и возвращают в море. Рыба в заливе была заражена, но Марселине нравилась мысль, что старик предлагает ее в жертву, чувствуя Йеманжи.

С того места, где таксист высадил ее, Марселина слышала звуки электрооргана. «Акварела ду Бразил» в ритмах самбы, достаточно тяжелая на нижнем мануале, летела над балконами среди спутниковых тарелок и цистерн с водой. Любимая музыка ее матери. Марселина поймала себя на том, что ускорила шаги в такт, а потом кивнула Малвине за стойкой консьержки. Музыка кружила вниз по лестнице. Малвина улыбалась. Когда дона Мариза играла на органе, улыбался весь дом. Даже музыка в лифте не могла ее заглушить, аккорды громыхали вокруг барабанов лебедки и контргрузов.

Любой ребенок считает свое детство нормальным. Но не у каждого мать – Мариза Пинзон, королева органа в Бейжа-Флор. Дни славы королевы Маризы, когда она правила по ту сторону полуночи и, как Венера, появлялась из раковины, украшенной в стиле ар деко, в клубе «Вурлицер», уже были сочтены, когда родилась Марселина. Двух ее старших сестер объединяли куда более болезненные и горькие воспоминания о том, как их нянчили бабушки и родственницы, а еще продавщицы папирос и уборщики-геи, пока их матушка, закутанная в атлас, украшенный искусственными

бриллиантами, с блестящей тиарой на лбу, отбивая ритм позолоченной туфелькой, играла румбы, пагоде и форо¹³³ для редких посетителей за серебряными столиками. Сохранились фотографии матери, на которых она позировала с Томом Жобином¹³⁴, флиртовала с Шикю Буарки¹³⁵ и состязалась с Либераче. У Марселины же остались лишь смутные воспоминания о том, как она смотрела на блестящий шар, крутившийся под потолком, и у нее кружилась голова от бесконечного карнавала огоньков. Она не помнила отца. Марселина была совсем крошкой, когда Мартин Хоффман надел костюм, взял свой кожаный портфель, поехал по делам в Петрополис и больше не вернулся. В течение многих лет она верила, что ее отец Либераче.

Марселина вздрогнула от удовольствия, когда двери лифта распахнулись навстречу размашистому глоссандо. Мать играла все реже и реже, с тех пор как ей диагностировали артрит, превративший ее костяшки в бразильские орехи. Марселина потопталась перед дверным звонком, наслаждаясь музыкой. Альтернативная семья подняла бы ее на смех, но совсем

---

¹³³ Жанры бразильской музыки.

¹³⁴ Псевдоним бразильского композитора, аранжировщика, певца Антониу Карлуша Жобина.

¹³⁵ Бразильский композитор, певец, актёр, поэт и прозаик.

другое, когда дело касается собственной матери. Она нажала звонок. Музыка резко прекратилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.